ОГОНЁК

9 ДЕКАБРЯ 1945 ГОДА

№ 48-49

К предстоящим выборам в Верховный Совет СССР Государственное издательство «Искусство» выпускает серию плакатов.

На снимке: художница В. Ливанова за работой над плакатами.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
23-й год издания

ОГОНЁК

№ 48-49 (967-968)

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 9 ДЕКАБРЯ 1945 ГОДА

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ

СТИХИ И ПРОЗА

ФОТОРЕПОРТАЖ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

ЮМОР

СПОРТ

Фото: Я. Рюмкина, С. Вильтмана, М. Ананьина, лауреата Сталинской премии В. Микоша, Б. Репина, Л. Данилова, С. Фридлянда, Б. Игнатовича, М. Гершмана, Л. Леонидова, А. Гаранина, И. Шагина, Л. Шишкина, А. Устинова.

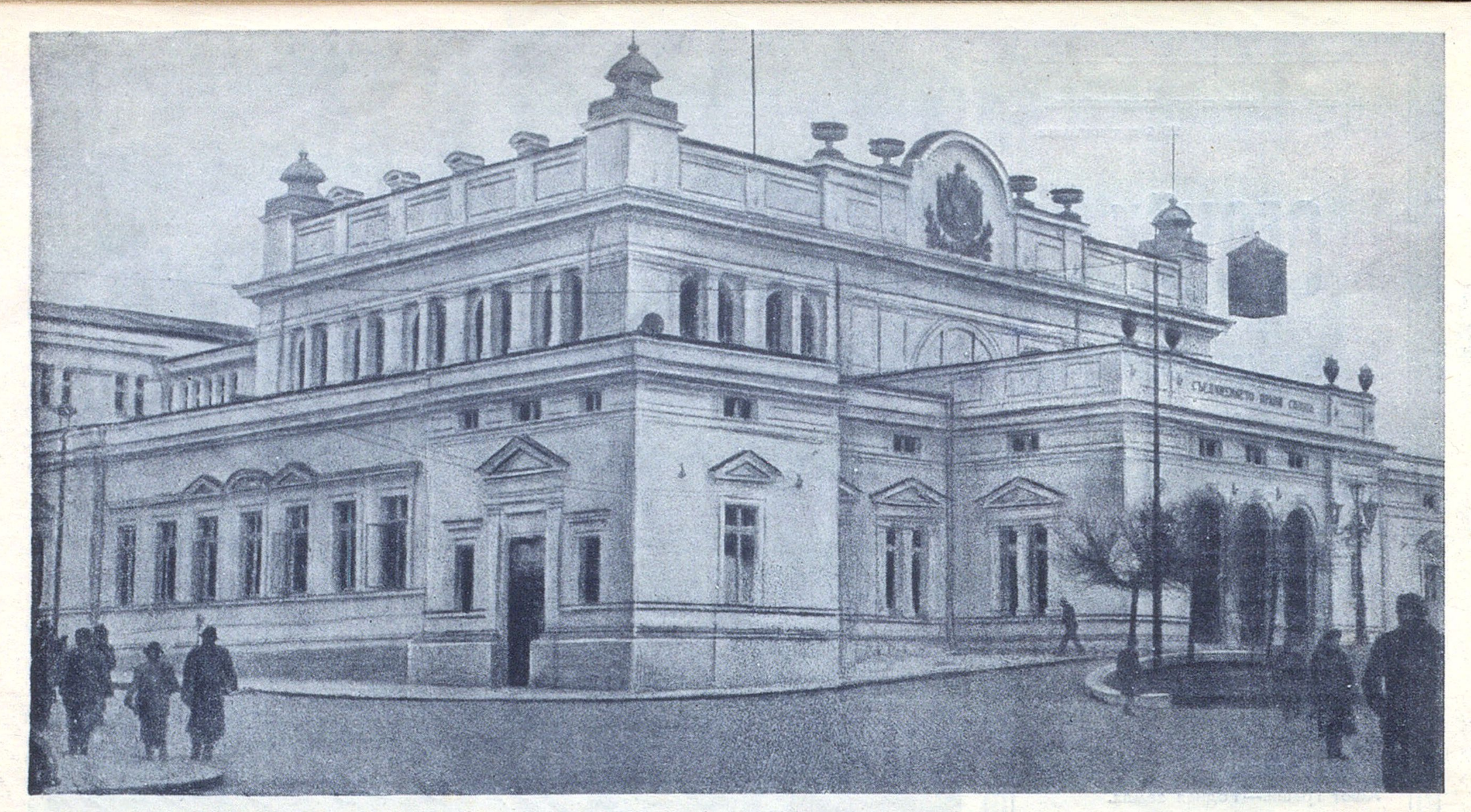
На обложке: памятник Сергею Мироновичу Кирову в Уржуме, у домика, где он родился. Фото Л. Шишкина.

ПОБЕДА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФРОНТА В БОЛГАРИИ. На состоявшихся 18 ноября выборах в Народное собрание Болгарии Отечественный фронт одержал блестящую победу. Отечественный фронт получил 88,2% всех поданных голосов. На снимках: вверху—предвыборный митинг в городе Пловдиве; внизу — избиратели опускают бюллетени в урны избирательной секции № 17 в городе Русе.

Фото С. Вильтмана (ТАСС) и Я. Рюмкина

Здание Народного собрания в Софии.

Фото Я. Рюмкина

ОБНОВЛЕННАЯ БОЛГАРИЯ

Б. Полевой

I

Мы провели весь день в летящем самолёте, пересекли десятки рек, прошли над ещё зеленеющими отрогами Трансильванских Альп, над хмурыми, скалистыми, окутанными тяжёлыми клубами туч хребтами Балкан. Тысячи километров пути легли между нами и родиной, прежде чем мы увидели в лучах вечернего заката белую россыпь домов столицы Болгарии — Софии. И тем сильнее было наше впечатление, когда, приземлившись на Софийском аэродроме, здесь, в сердце Балкан, мы услышали речь, так напоминившую нам родную, увидели плакаты и надписи, сделанные шрифтом, так похожим на русский, увидели на лицах встречавших нас болгарских писателей и журналистов то выражение теплоты и сердечности, с какой встречают у нас испытанных друзей и родичей. Мы сразу ощутили себя в кругу истинно славянского радушия, дружелюбия, в атмосфере горячей любви к нашей стране.

Это чувство, давнее и традиционное, ещё более окрепло в исторические сентябрьские дни 1944 года, когда Красная Армия помогла болгарам освободить свою страну от немцев и собственных фашистов. Вот почему, начиная с белокаменной Софии и кончая деревушками, названия которых не найдёшь ни на одной карте, нас встречали, как родных и близких. Достаточно сказать здесь несколько слов по-русски, как перед вами гостеприимно откроется любая дверь, вас посадят в почётный угол, угостят лучшим, что есть в доме, и, не таясь, раскроют вам свои думы и мысли.

Хорошо сказал по этому поводу грузный, седоусый, крепкий, кряжистый, как горный дуб, пастух Иван Бешков, которого мы встретили в придорожной корчме в горной деревушке Вахш:

— Русский, по-нашему, — это друг. Советский русский — это дважды друг. Вашу руку, другарь! — и он протянул через стол огромную жилистую руку с ладонью, твёрдой, как подошва; а потом поднял сизый стеклянный стакан, наполненный крепкой сливовой, и добавил: — Да живе советска Россия!

И хотя сказал он это не громко, точно обращаясь к самому себе, все, кто ни был в этот момент в корчме — крестьяне в белых домотканных портах и свитах, проезжие интеллигенты в белых плащах и даже старый монашек с котомочкой, скромно сидевший в углу у входа, — все подхватили эту здравицу, и все встали, подняв стаканы.

На главной улице Софии стоит памятник русскому царю Александру II. Но дело тут не в царе, дело в бронзовых фигурках русских солдат и офицеров, окружающих цоколь памятника. В боевом порыве устремились они вперёд на врага, увлекая за собой болгарских партизан и ополченцев, помогая своим славянским братьям освободиться от туретчины. Одна из красивейших площадей города исстари зовётся Московской. Лучший парк в Пловдиве зовётся Русским. Памятники русскому оружию буквально на каждом шагу встречаешь в районе знаменитого Шипкинского перевала и в Плевне, где в своё время развёртывались решающие сражения в войне 1877—1878 годов, приведшей к освобождению Болгарии.

Если памятники признательности России за освобождение от туретчины имеются тут в каждом городе, то памятники благодарности, дружбы, любви к советскому народу и его Красной Армии встречаешь на каждом шагу. В каждом учреждении, в каждом жилище, будь то особняк государственного деятеля, каморка рабочего или хижина крестьянина, рядом с портретами народных героев Болгарии: Димитро Благоева, Георгия Димитрова, Александра Стамболийского — портрет товарища Сталина на самом почётном месте.

Витрины книжных магазинов пестрят произведениями нашей литературы. Тут Гоголь и Пушкин, Толстой и Достоевский, Шолохов и Фадеев, Маяковский и Тихонов. Десятки авторов, сотни произведений. Всё это любовно переведено, красиво и со вкусом издано. Хотя книги эти довольно дороги, спрос на них огромный. В Софийской библиотеке, например, имеется десять экземпляров «Тихого Дона». Пять на болгарском и пять на русском языках. Они всё время на руках. В момент, когда мы были в библиотеке, очередь читателей, записавшихся на них, превышала 25 человек.

Концерты представителей советского искусства, лекции деятелей советской науки и литературы приходится здесь неоднократно повторять, ибо желающих послушать всегда значительно больше, чем позволяет вместить ёмкость сравнительно небольших местных зал. Зимой был такой случай. В театре выступал ансамбль красноармейской песни и пляски войск генерала Бирюзова. Театр был битком набит. Людьми была полна и площадь перед театром. На морозе, под открытом небом, большая толпа слушала трансляцию концерта из зала. На следующий день в политотдел пришла делегация от городских организаций и передала просьбу повторить концерт... на городском стадионе! Стадион «Юнак» имеет 14 тысяч сидячих мест. Но полны были не только сидячие места, но и все проходы, люди стояли на барьерах, облепили заборы. По просьбе софийцев концерт на стадионе был повторён три раза. Это было в разгар зимы, когда из ущелий горы Витоша острые северные ветры несли на слушателей хлопья снега.

II

Болгария переживает сейчас самые бурные и самые яркие страницы своей многовековой истории. В трудные минуты, когда немцы были изгнаны из страны, власть в

Болгарии взяло в свои руки правительство Отечественного фронта — коалиции пяти самых крупных партий: Болгарской рабочей партии, Болгарского земледельческого союза, социал-демократической партии, партии «Звено», включающей в себя значительное количество военной интеллигенции и, наконец, небольшой по численности радикальной партии. Это правительство, представившее собой все слои болгарского населения и поддерживаемое поистине всем народом, с первых же шагов своей работы повело страну по пути расцвета и демократии.

Благодаря народной поддержке, правительству удалось быстро восстановить в стране спокойствие и порядок, организовать расстроенную войной деятельность административных органов, наладить связь, почту, транспорт, нормальную торговлю, удержать курс лева и организовать народ на быстрое залечивание ран, нанесённых войной хозяйству страны. Я объехал Болгарию в эти дни вдоль и поперёк. И в столице, и в маленьких городах, и в деревнях я всюду видел следы кропотливого восстановительного труда. Ремонтируются разрушенные общественные здания, жилые дома, магазины, дымят трубы фабрик и заводов. Над шахтами по стальным канатам воздушной дороги ползут вагонетки с рудой и углем.

Но если в области промышленности, транспорта обновлённая Болгария только приближается к довоенному уровню, то в области культуры, литературы, науки, искусства, здравоохранения она под руководством правительства Отечественного фронта уже давно перешагнула его. За год болгарские издательства выпустили литературы больше, чем за 5—6 предыдущих лет. Никогда ещё не был так шумен и люден Софийский университет. Он принял в этом году слушателей на одну треть больше, чем во все предыдущие годы своего существования. Сейчас открываются его филиалы в крупнейших городах. В сёлах открылись сотни новых больниц, фельдшерских и родовспомогательных пунктов. В Софии ежедневно выходят 6 газет, не считая такого же количества газет, выходящих раз и два раза в неделю.

Эти небывалые достижения национальной культуры Болгарии очевидны не только каждому болгарину, но и каждому мало-мальски честному и объективному наблюдателю-иностранцу. Вот почему правительство Отечественного фронта пользуется такой популярностью и такой небывалой поддержкой населения.

Но было бы, конечно, смешно предполагать, что в Болгарии, в течение многих лет находившейся под игом сначала своего, а затем немецкого фашизма, реакция окончательно выкорчевана и уничтожена. Правда, в первые месяцы после «9 сентября» она притихла и исподтишка пыталась подрывать деятельность правительства Отечественного фронта. На открытую арену она выползла только во время подготовки к выборам в Народное собрание.

От болгарской социал-демократической партии откололась небольшая группа во главе с Костой Лулчевым и Пастуховым, от Болгарского земледельческого союза отошла кучка прожжённых политиканов во главе с Гичевым и Николой Петковым, запятнавших себя сотрудничеством с немцами. Они образовали так называемую оппозицию и пытались перед выборами расколоть Отечественный фронт, сорвать или хотя бы скомпрометировать выборы.

Оппозиция потерпела полное поражение.

Мы были 16 ноября на созванном Отечественным фронтом предвыборном митинге в Софийском театре. Выступали лидеры двух ведущих партий Отечественного фронта — один из руководителей партии «Звено», военный министр генерал Демян Велчев, и любимейший народный герой Болгарии, представитель рабочей партии Георгий Димитров. Театр не вместил и сотой доли желающих посетить митинг. Стотысячная толпа стояла на площади, заполнила дворцовый сквер и все ближайшие улицы. В зал с улицы всё время доносились раскаты многоголосого «ура», которым встречали собравшиеся заявления ораторов об утверждении Болгарии на новом пути свободы и демократии.

Тут же, в районе первой избирательной секции Софии, я был на митинге, созванном оппозицией. Это было жалкое и смешное зрелище. В большом зале сидели несколько десятков человек. Они, вероятно, ощущали комизм своего положения и старались не глядеть друг другу в глаза. К концу митинга в зале было ровно девять человек, включая и меня.

За несколько дней до выборов на софийском базаре в грязи валялась большая смешная кукла. Вокруг неё стояла огромная хохочущая толпа. Надпись над куклой гласила: «Позиция оппозиции». По окраинам Софии юноши и девушки в национальных костюмах водили старого, облезлого осла. На боках его было написано краской: «Господин, собирающийся голосовать за оппозицию». На стенах софийских зданий за день до выборов появились траурные объявления, в которых значилось: «Сим доводится до сведения граждан Болгарии, что после недолгой агонии скончалась от чахотки оппозиция. Всенародные похороны покойной состоятся 18 ноября».

Выборы действительно превратились в похороны оппозиции, пытавшейся вернуть Болгарию на путь реакции. По количеству избирателей, участвовавших в голосовании, и по тому единодушию, с которым они отдали свои голоса кандидатам Отечественного фронта, выборы 18 ноября не имеют себе равных в истории Болгарии. Голосовали все слои населения. Голосовал весь народ. Крестьяне отдалённых деревень ехали на выборы целыми семьями на празднично разукрашенных телегах, на каких тут ездят в церковь во время свадеб. Шли на выборы целыми родами во главе с родоначальниками, древними старцами, помнящими ещё лихие дни турецкого ига, шли женщины-мусульманки, никогда не снимавшие с глаз чадру и не державшие в руках избирательного бюллетеня.

Выборы были подлинно всеобщими и подлинно всенародными.

София, ноябрь 1945 года.

Группа советских писателей и журналистов на приёме у премьер-министра Болгарии Кимона Георгиева. В центре — Кимон Георгиев; рядом с ним, слева,— писатель Николай Тихонов.

1. РОД НЕБРИТОВЫХ КРЕСТЬЯНСКИЙ, из деревни Анин Верх, что на Волге. Отец и мать Геннадия Небритова — колхозники. Геннадий с трёх лет проявлял музыкальные способности: пел, как щеглёнок, мог на-память повторить сложную музыкальную фразу. На Геннадия Небритова обратили внимание педагоги. Привезли его в большой волжский город, дали ему в руки скрипку... В Куйбышеве Геннадий впервые услыхал музыку Чайковского и был захвачен ею. Началась война. Отца взяли на фронт. Геннадия послали учиться в Москву, в музыкальное училище при Консерватории. Через 4 года отец вернулся живой и невредимый, но седой. Геннадий приехал повидаться с отцом. «Как дела, сынок?» — спросил бывалый солдат. Вместо ответа Геннадий достал скрипку и заиграл. Мать слушала в углу, слушал отец, скрывая волнение.

* * *

2. ТОНЯ НЕСТЕРОВА РАБОТАЕТ В ТИПОГРАФИИ. Её отец — печатник. В семье Нестеровых все любят книги, считают типографское дело почётным. Из книг, прочитанных Тоней, дороже всего ей «Как закалялась сталь». Эта книга поддерживала в ней бодрость в 1942 году, когда погиб тонин брат. Тоня—хорошая фальцовщица, ведёт общественную работу, любит спорт, бегает на коньках, дома помогает матери.

* * *

3. О ЛЮДЯХ МЕТРОСТРОЯ говорят, что у них «золотые» руки. Рабочие шахт метро — универсалы. Нина Валякина изучила множество профессий под землёй. Она была откатчицей, работала на электровозе, потом ставила крепления, бурила породу. Отбойный молоток в полпуда весом показался тяжеловат после иглы (Нина была швея). Но девушка отлично освоила технику бурения. Потом ставила тюбинги. Это очень ответственный момент в строительстве тоннеля. Тут Нину Валякину наградили значком «Отличный строитель». Наконец, работала по облицовке мрамором и вместе с подругами вымыла пол законченной станции. С какою гордостью Нина говорит: «Наш тоннель». От строительства «Баумановской» она перешла на строительство «Серпуховской».

* * *

4. АНАТОЛИЙ ПОПОВ—ЯРЫЙ БОЛЕЛЬЩИК ФУТБОЛА. Не пропускает ни одного интересного матча, ни одного состязания. Детство его прошло в Рязанской области. Там он мог видеть только матчи на зелёной лужайке, где зрители сидят на плетнях, а по стадиону бродят коровы. Но, поступив на завод «Стереол», Анатолий Попов попал в хорошую команду футболистов и с тех пор играет всегда на правом крае нападения. По специальности Анатолий Попов — электромонтёр. На участке строительства, где ему приходится последнее время работать, его имя стоит на почётной доске. «Сметливый»,— говорит о Попове начальник участка. Анатолий не раз задумывался: какую ему специальность выбрать? Стать профессионалом-спортсменом? Или посвятить себя электротехнике? Недавно он ездил в отпуск к сестре, в освобождённый район. Его поразил разбитый красавец вокзал. От него осталась одна стена. Анатолий увидел обугленные кварталы. Его выбор был тут же решён: он поступит в электромеханический техникум, потом поедет на работу по восстановлению наших городов.

1

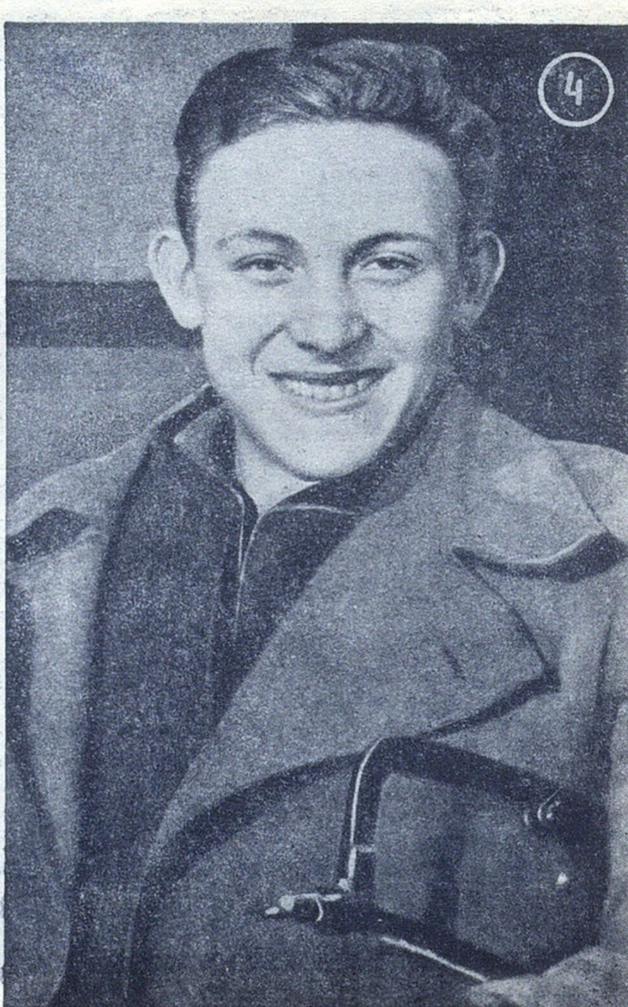
2

ИМ 18 ЛЕТ. ОНИ

Накануне войны они ещё были детьми. Играли в городки и бабки. Дрались снежками. Летом ходили в ночное, слушали сказки у костров. Каждый из них мечтал: «Когда я стану взрослым...» Это случилось внезапно и не так, как хотелось. Но так, как потребовала родина. Было тяжело. Отцы ушли на фронт, матери несли четырёхлетнюю вахту у станков.

3

4

5

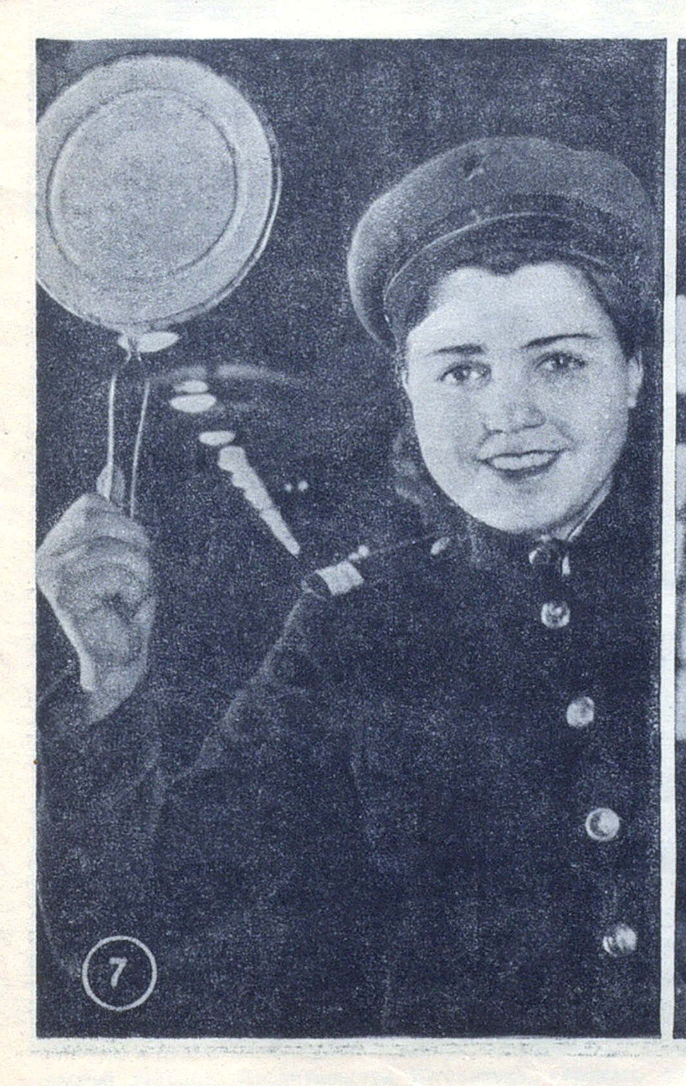

6

ГОЛОСУЮТ ВПЕРВЫЕ

Им, четырнадцатилетним, пришлось заменить взрослых. Вы увидите, как они справились с этим делом. Первый год мира — это год их гражданской возмужалости. Они избиратели. Они будут голосовать. Радостно сознавать, что тебе 18 лет и что ты равноправен со всеми гражданами необъятного советского государства.

Репортаж Б. Цейтлина

7

8

5. **АЛЕКСАНДР СПЕШНЕВ — ТАМБОВЕЦ.** В детстве любил голубятни, рыбную ловлю и романы с приключениями и счастливым концом. На школьной скамье был непоседлив, шаловлив, но умел быстро схватывать мысль преподавателя, неплохо писал сочинения. Фронт в то время был далеко от Тамбова. Но в мыслях казался близок. Там был отец. А вскоре и самому Александру пришлось надеть военную шинель. Сержант Спешнев проделал многие тяжёлые походы, мёрз, лежал в грязи, ходил в атаку, был ранен. В госпитале лежал долго. Ранение было нелёгкое. Передумал, пересмотрел всю свою небольшую жизнь и принял решение: пойти на философский факультет.

Мечта демобилизованного сержанта Спешнева исполнилась.

* * *

6. **О ЛЮДМИЛЕ МИХИНОЙ** скажем коротко. Ей 18 лет, у неё превосходное здоровье, она член ВЛКСМ, энергичная и способная студентка Московского университета имени Ломоносова. Учится на психологическом отделении. Хочет быть педагогом: ей нравится эта профессия.

* * *

7. **ВСЕ, ЧТО ПАМЯТЬ СВЯЗЫВАЛА** с детством Клавдии Багрий, было яркое, праздничное: синева украинского неба, белизна хат, звон песен по вечерам, прохладная глубина Днепра. Клава готовилась быть цирковой артисткой, занималась акробатикой, работала на турнике. Ей ещё не было 14 лет, когда над родной Украиной грянула война. Моторизованные немецкие орды неслись, как саранча. Семья Клавы эвакуировалась в Казахстан. Потекли долгие годы труда и тревоги: у Клавы на фронте был брат. Жили от весточки до весточки. И наконец пришла самая большая, ослепительная весть: победа!

Отец трясущимися от волнения руками укладывал старый чемодан. На Украину, на родину! «А я о другом думаю, дорогие,— напрямик сказала Клава,— мне дорога в столицу. Хочу работать на лучшем в мире метро».

Сейчас восемнадцатилетняя Клава Багрий — помощник дежурного по станции «Курская». В свободные вечера Клава занимается в кружке акробатического танца в ЦДКЖ.

* * *

8. **ПОСЛЕ ЗВОНКА** смена шумно высыпала из цеха, её заступала другая. Евгений Батылин нарочно медлил, наблюдая, как работает другой парень. Он словно в зеркале видел самого себя. Вот это он сам сейчас завернул гайку у люнета, потом передвинул станину. Что, если слить оба движения в одно, действуя обеими руками одновременно? Евгений поделился думой с товарищем. Тот недоуменно спросил: «Что ты этим выиграешь. Полторы минутки?» «Полторы минуты в цехе стоят дорого!»— ответил Евгений. Стал работать по-своему, помогая себе левой рукой. Результаты сразу сказались. Шлифуя коленчатые валы, Евгений Батылин стал давать по нескольку норм в смену. Был рекордный день, когда он стал знаменитостью завода. На красной доске стояло: «Евгений Батылин, шлифовальщик, 1200% выполнения плана».

Юного стахановца наградили медалью «За победу над Германией».

* * *

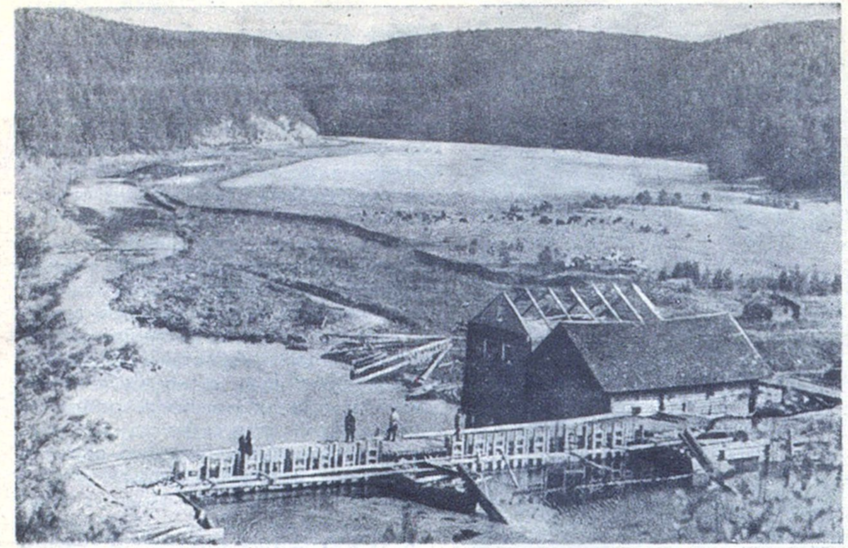
Это обыкновенные люди.
Вы их встречаете каждый день.
Они молоды. В их руках
будущее страны.

СЛОВО УРАЛЬЦЕВ ТВЕРДО

Фото М. Ананьина

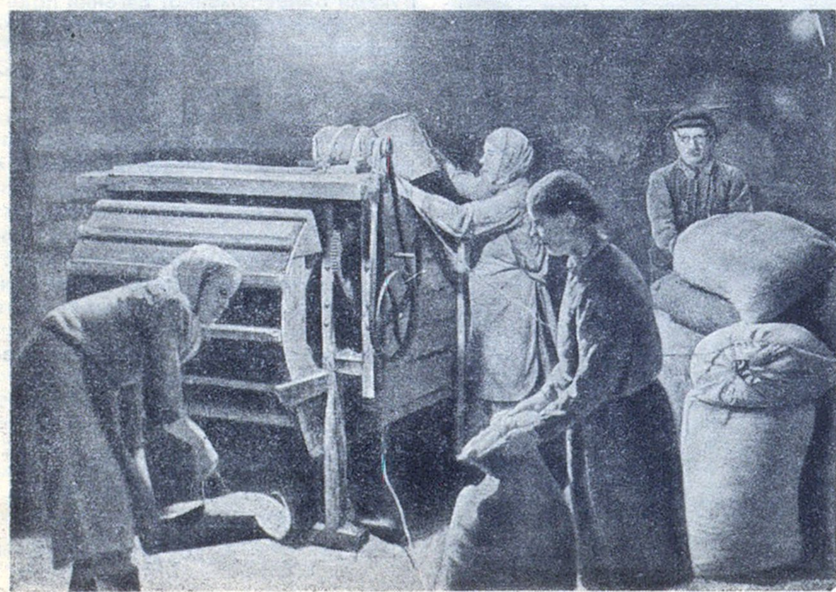
В новогоднем отчёте товарищу Сталину уральцы поклялись вождю электрифицировать в течение 1945 года тысячу колхозов и 38 машинно-тракторных станций.

К 28-й годовщине Октября Манчажский район стал районом сплошной электрификации. В 40 колхозах, в МТС, школах, больницах, клубах зажглись «лампочки Ильича». Заново отстроено 22 здания электростанций, установлено более 8 тысяч столбов для электрической сети. Электрифицированы и все колхозы Егоршинского района. Всего в Свердловской области электрифицированы 541 колхоз, вступили в строй 63 гидростанции и 195 тепловых электростанций. В этой огромной работе колхозникам помогал их шеф — Уральский машиностроительный трижды орденоносный завод имени Серго Орджоникидзе.

На верхнем снимке, слева: общий вид плотины, станции и мельницы, построенных колхозниками Красноуфимского района. На снимке справа: молодые электротехники колхозницы Люба Колмакова и Катя Тухачёва подводят электропровод в дом колхозницы Поздеевой.

На втором снимке, слева: бывший пахарь колхоза «Южара» мариец Николай Егоров, ныне электромонтёр и заведующий станцией, ввинчивает лампочку у входа в помещение гидроэлектростанции.

На третьем снимке: молодые строители электростанции в марийском колхозе «Иошкар маки» землекопы Ирина Ильина и Михаил Тиханов.

На нижнем снимке: сортировка зерна на электровеялке в колхозе «Вперёд», Свердловской области.

НОВЫЙ ОБЛИК ЮГОВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В ноябре и начале декабря состоялись парламентские выборы в Венгрии, Югославии, Болгарии и Албании. Во всех этих странах, всего год назад сбросивших с себя при помощи Красной Армии иго немецко-фашистской тирании, выборы были проведены на основе новых, демократических избирательных законов.

В Венгрии в выборах в Национальное собрание 4 ноября участвовали: коммунистическая партия, социал-демократическая партия, национальная крестьянская партия, независимая партия мелких сельских хозяев и гражданско-демократическая партия, входящие в венгерский Фронт национальной независимости, а также радикальная партия и демократическая народная партия. Коммунистическая партия принимала участие в выборах впервые, так как с 1919 года она находилась в глубоком подполье.

Из 5 миллионов 200 тысяч избирателей, имеющих право голоса в выборах, участвовало 4 701 026 человек, или около 90 процентов. В Национальное собрание избрано 406 депутатов, в том числе: 242 от независимой партии мелких сельских хозяев, 70 коммунистов, 69 социал-демократов, 23 от национальной крестьянской партии и 2 от гражданско-демократической партии. Созданное после выборов венгерское правительство состоит из представителей партий, входящих во Фронт национальной независимости. Возглавляет правительство руководитель независимой партии мелких сельских хозяев Золтан Тильди.

Выборы в Учредительное собрание Югославии, состоявшиеся 11 ноября, ознаменовались полной победой Народного фронта. Предстояло избрать депутатов в Союзную скупщину и Скупщину национальностей. Общее число избирателей составляло по всей стране 8 383 455.

Так называемые «оппозиционные» партии, предчувствуя своё поражение, отказались от участия в выборах и призывали избирателей последовать их примеру. Но народные массы Югославии с презрением отвернулись от последышей реакции. Правительство Югославии, стремясь обеспечить полную свободу выборов, решило установить на каждом избирательном участке специальную урну, куда могли бы опускаться шары тех, кто не желал бы голосовать за союзный список Народного фронта.

Результаты выборов таковы: за союзный список кандидатов Народного фронта в Союзную скупщину было подано 6 725 049 голосов из 7 432 471, или 90 процентов. В урны без списка было опущено 707 422 шара, или 9 процентов. За кандидатов Народного фронта в Скупщину национальностей было подано 6 574 975 голосов из 7 413 214, или 88 процентов. В урны без списка было опущено 838 239 шаров, или 11 процентов.

После оглашения результатов выборов маршал Тито заявил на пресс-конференции: «Что доказывают эти результаты выборов? Они доказывают, что программа Народного фронта принята огромным большинством народа и что широкие народные массы готовы всеми силами независимо от всяких трудностей поддерживать свои власти при проведении этой программы в жизнь. Это свидетельствует о большой политической зрелости наших народных масс».

На первом заседании Учредительного собрания Югославии избранники народа единогласно провозгласили Югославию Федеративной Народной Республикой.

Столь же крупную победу одержал на выборах в Болгарии 18 ноября Отечественный фронт. Это были первые за последние двадцать два года действительно свободные выборы. За кандидатов Отечественного фронта голосовало 3 397 672 избирателя из 3 853 097, участвовавших в голосовании, или 88 процентов.

Наконец, 2 декабря прошли выборы в Учредительное собрание Албании. За кандидатов Демократического фронта голосовало 93 процента избирателей, участвовавших в выборах, а в урны без списка опустили шары лишь 6 процентов избирателей.

Юговосточная Европа уверенно идёт по пути подлинной демократии.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ЛЕНИНА И СТАЛИНА

П. Викторов

Сорок лет назад, в конце декабря 1905 года, в Таммерфорсе собралась Всероссийская конференция большевистской партии. На ней впервые встретились Ленин и Сталин. Ленин и Сталин до того ещё ни разу не встречались, но знали друг друга давно.

Товарищ Сталин был знаком с революционной деятельностью Ленина с конца девяностых годов. В глазах Сталина Ленин был «руководитель высшего типа, горный орёл, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперёд партию по неизведанным путям русского революционного движения. Это впечатление, — говорил товарищ Сталин 28 января 1924 года в речи о Ленине, — так глубоко запало мне в душу, что я почувствовал необходимость написать о нём одному своему близкому другу, находившемуся тогда в эмиграции, требуя от него отзыва. Через несколько времени, будучи уже в ссылке в Сибири—это было в конце 1903 года,—я получил восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, познакомил мой друг с моим письмом».

Ленин называл Сталина «пламенным колхидцем» и с большим вниманием следил за его выдающейся деятельностью. В Таммерфорсе — финском городе со значительной рабочей прослойкой, находившемся тогда под влиянием левых социал-демократов,—избранном для работы Всероссийской большевистской конференции, и состоялась первая встреча вождей и строителей большевистской партии.

Конференция собралась в момент наивысшего подъёма революции 1905 года. О настроении делегатов, прибывших в Таммерфорс с разных концов России, можно судить по такой, в частности, детали, о которой писала Н. К. Крупская в своих воспоминаниях о Ленине: в перерывах между заседаниями конференции делегаты учились стрелять.

Таммерфорсская конференция работала с 25 до 30 декабря. На ней присутствовал 41 делегат. Собрались активные большевистские работники, видные деятели подполья, организаторы революционной борьбы масс. У них накопился большой политический опыт. Революция в огромной мере обогатила его и выдвинула много острых, злободневных вопросов, которые предстояло сейчас решить. Значительная часть делегатов впервые видела Ленина. «Впервые,—рассказывает Ем. Ярославский, делегат конференции,—многие делегаты встретили и товарища Сталина, тогда уже широко известного в большевистских кругах, непримиримого, твердокаменного большевика, грозу кавказских меньшевиков, молодого теоретика большевистской партии. Несмотря на свои молодые годы, товарищ Сталин завоевал уже тогда уважение и авторитет среди большевиков».

Никто лучше товарища Сталина не описал впечатления от первой встречи с Лениным. Вот что рассказывал товарищ Сталин в речи на вечере кремлёвских курсантов 28 января 1924 года:

«Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 г. на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моём воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было моё разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных...

Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причём перед появлением великого человека члены собрания предупреждают: «тсс... тише... он идёт». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было моё разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведёт беседу, самую обыкновенную беседу самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил.

Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчёркивать своё высокое положение, — эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших «низов» человечества».

Ленин сделал на конференции два доклада — о текущем моменте и об аграрном вопросе. К сожалению, протоколы конференции не сохранились, не осталось, следовательно, и записей докладов Ленина. Но мы имеем ценнейшие воспоминания товарища Сталина об огромном впечатлении, которое произвели выступления Ленина на делегатов конференции.

«Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию,—говорит товарищ Сталин. — Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление, — всё это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных «парламентских» ораторов.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует её и потом берёт её в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: «Логика в речах Ленина — это какие-то всесильные щупальцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятия которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал».

Я думаю, что эта особенность в речах Ленина является самой сильной стороной его ораторского искусства».

В своей брошюре о Таммерфорсской конференции Ем. Ярославский приводит это место из воспоминаний товарища Сталина и пишет:

«К этой замечательной характеристике, глубокой и верной характеристике Ленина, надо ещё добавить огромную любовь к Ленину, которую испытывал каждый, кто с ним соприкасался. Ленин был необыкновенно прост в обращении со всеми товарищами. Иногда художники рисуют какую-то необычайную обстановку, чтобы передать ту или иную встречу с Лениным. Этой особой обстановки не было, обстановка была самая обыденная и очень простая...

Надо сказать, что все делегаты, впервые встретившие на этой конференции и товарища Сталина, были восхищены силой логики его выступлений. В них также было «отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление». В них также была «непреодолимая сила логики». Во всём облике молодого товарища Сталина была та же простота и скромность, которые отличают товарища Сталина и в последующие дни его великой борьбы за победу коммунизма».

Особенно сильное впечатление на делегатов, в том числе и на Ленина, произвело выступление И. В. Сталина в защиту бойкота I Государственной думы.

Таммерфорсская конференция высказалась за активный бойкот Государственной думы. Резолюция конференции была принята после доклада комиссии, в которой бок о бок работали Ленин и Сталин.

Конференция совпала с восстанием рабочих в Москве, всколыхнувшим Россию. Получив подробные сведения о ходе революционной борьбы в Москве и восстаниях, начавшихся в других городах, Ленин сделал сообщение, предложил быстрее закончить работы конференции, с тем чтобы делегаты могли как можно скорее прибыть на места.

Делегаты разъехались, обогащённые решениями конференции

Встреча В. И. Ленина и И. В. Сталина на конференции в Таммерфорсе в декабре 1905 года.

Репродукция с картины художника И. А. ВЕПХВАДЗЕ

Народный художник РСФСР С. В. Герасимов.

МАСТЕРА ИСКУССТВА В РИСУНКАХ Г. С. ВЕРЕЙСКОГО

Портретная галерея, созданная одним из виднейших советских рисовальщиков Г. С. Верейским, огромна.

Это ряд серий, над которыми художник работал в течение ряда лет. Литография — его излюбленная техника.

Широко известны сто портретов выдающихся лётчиков Военно-Воздушного Флота СССР, выполненных художником по предложению К. Е. Ворошилова в 1932 году.

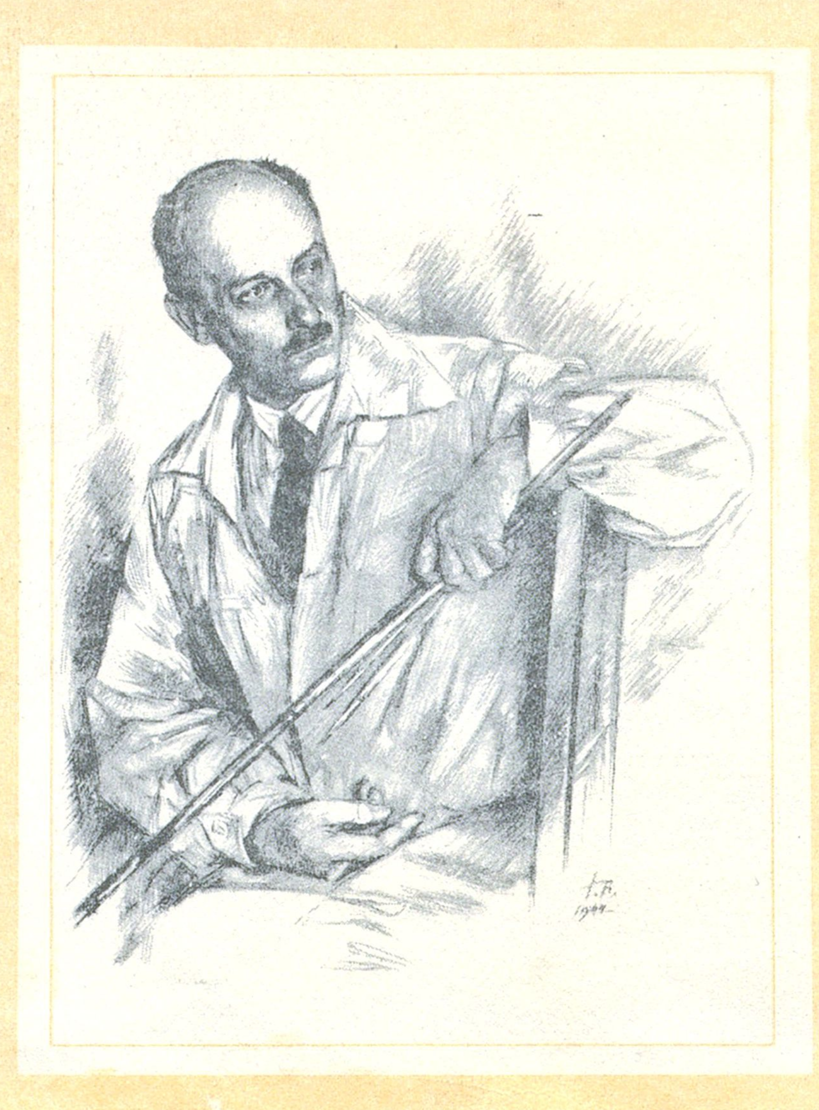
Художник рисовал их на аэродромах, около машин, в кабинах самолётов. Он работал как на сухопутных, так и морских базах.

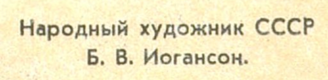
Замечательны его портреты героев Балтфлота, запечатлённые в грозные дни блокады Ленинграда в 1942 году.

Людей своей профессии — мастеров кисти, карандаша, резца — наблюдал художник за работой, на заседаниях, на выставках, в домашней обстановке. Беглые наброски сопутствовали этим наблюдениям. К моменту портретного сеанса художник подходил вооружённый предварительным изучением моделей. Он тонко подмечает индивидуальные различия портретируемых.

Так родилась новая серия художника 1944—1945 годов.

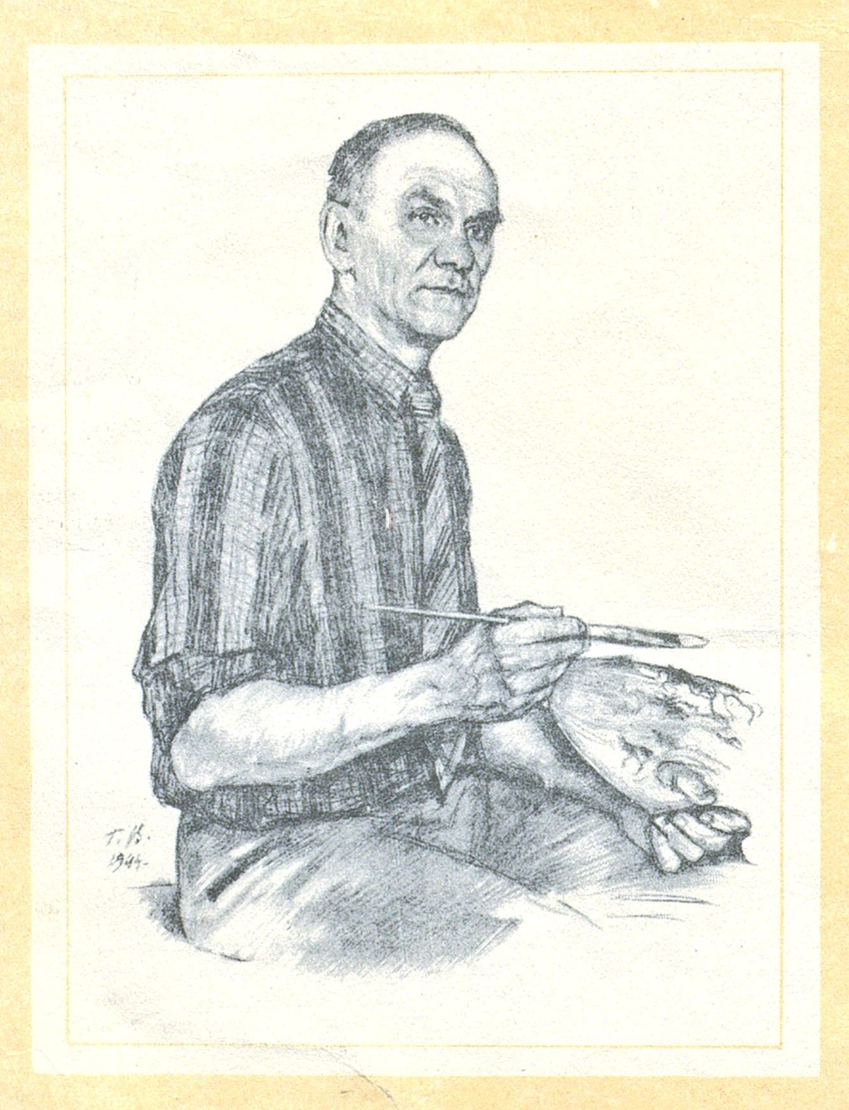
Народный художник РСФСР
Е. Е. Лансере.

Народный художник СССР
Б. В. Иогансон.

Заслуженный деятель искусств РСФСР
С. Д. Лебедева.

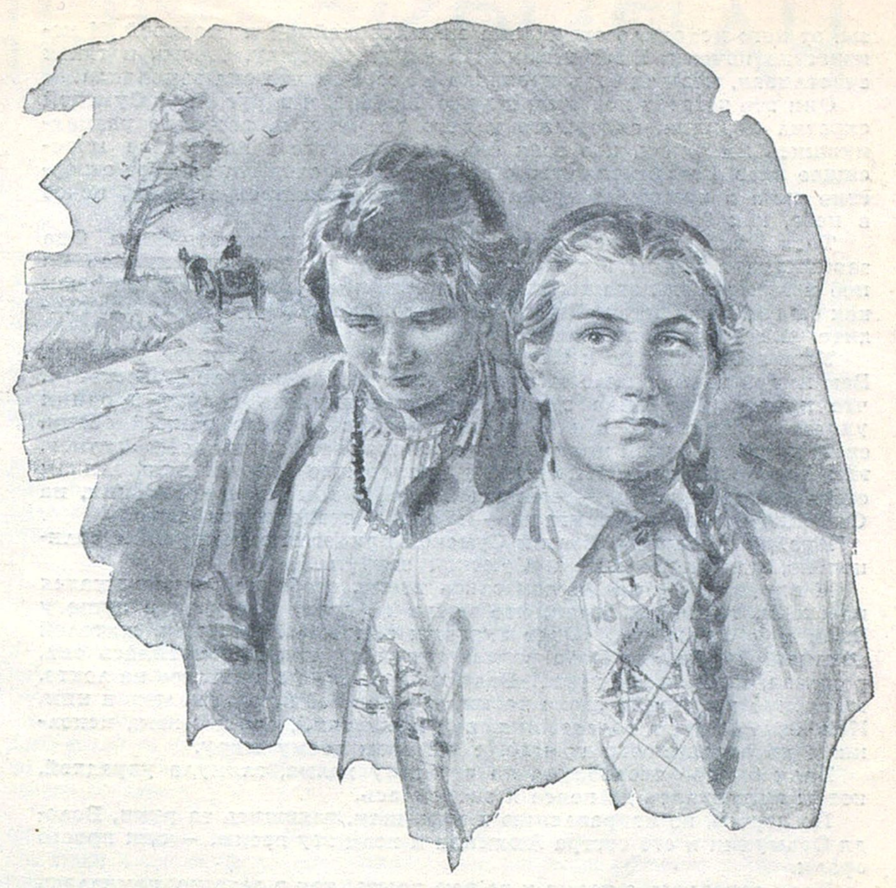

ВАЛЯ

Александр Фадеев

Глава из романа «Молодая гвардия»

Рисунки В. Вольского

Валя шла по степи вместе с Натальей Алексеевной...

Мысль о том,— а как же мама? — отравляла Вале всю прелесть похода в то раннее пасмурное утро, когда она шла по степи вместе с Натальей Алексеевной, прытко и деловито перебиравшей своими пухленькими ножками в спортивных тапочках по влажной, глянцевитой дороге.

Первое самостоятельное задание, сопряжённое с личной опасностью, но — мама, мама!.. Как она посмотрела на дочь, когда Валя с независимым выражением сказала, что просто-напросто она уходит на несколько дней в гости к Наталье Алексеевне! Каким, должно быть, жестоким холодом отозвался в сердце матери этот эгоизм дочери — теперь, когда нет отца, когда мать так одинока!.. А если мама уже что-нибудь подозревает?..

— Тося Елисеенко, с которой я вас сведу, — учительница, она соседка моей матери, точнее — Тося и её мама живут вместе с моей мамой в двухкомнатной квартире. Она девушка характера независимого и сильного, и она много старше вас и, я откровенно скажу, она будет смущена тем, что я приведу к ней вместо бородатого подпольщика хорошенькую девочку, — говорила Наталья Алексеевна, как всегда заботясь о точном смысле своих слов и совершенно не заботясь о том, какое впечатление они производят на собеседника. — Я хорошо знаю Серёжу как вполне серьёзного мальчика, я верю ему в известном смысле больше, чем себе. Если Серёжа мне сказал, что вы от районной организации, это так и есть. И я хочу вам помочь. Если Тося будет с вами недостаточно откровенна, вы обратитесь к Коле Сумскому, — я лично убеждена, что он у них самый главный, по тому, как Тося относится к нему. Они, правда, дают понять тосиной и моей маме, будто у них отношения любовные, но я, хотя и не сумела ещё сама из-за перегруженности организовать свою личную жизнь, я прекрасно разбираюсь в делах молодёжи. И я знаю, что Коля Сумской влюблён в Лиду Андросову, очень кокетливую девушку, — неодобрительно сказала Наталья Алексеевна, — но тоже, несомненно, члена их организации, — добавила она из чистого чувства справедливости.— Если вам потребуется, чтобы Коля Сумской лично связался с районной организацией, я воспользуюсь своим правом врача районной биржи, дам ему двухдневный невыход на работу по болезни,— он работает на какой-то там шахтёнке,— говоря точно, крутит вороток...

— И немцы верят вашим бумажкам? — спросила Валя.

— Немцы! — воскликнула Наталья Алексеевна.—Они не только верят, они подчиняются бумажке, если она исходит от официального лица... Администрация на этой шахтёнке своя, русская. Правда, при директоре, как и везде, есть один немец из технической команды, какой-то ефрейтор, барбос барбосом, как, впрочем, они все. Мы, русские, для них настолько на одно лицо, что они никогда не знают, кто вышел на работу, а кто нет. Их очень легко обманывать...

И всё случилось так, как предсказала Наталья Алексеевна. Вале суждено было провести в этом посёлке, таком разбросанном, бесприютном, с его казарменного типа большими зданиями, огромными чёрными терриконами и застывшими копрами, совершенно лишённом зелени,— провести в нём двое суток среди людей, которым трудно было внушить, что за длинными тёмными ресницами и золотистыми косами стоит могучий авторитет «Молодой гвардии».

Мама Натальи Алексеевны жила в старинной, более обжитой части посёлка, образовавшейся из слившихся вместе хуторов. Там были даже садочки при домиках. Но садочки уже пожухли. От прошедших дождей образовалась сметанообразная, по пояс, грязь на улицах, которой уж, видно, суждено было покоиться до самой зимы.

В течение этих дней через посёлок беспрерывно шла какая-то румынская часть, направлением на Сталинград. Её пушки и фуры с бьющимися в постромках худыми конями стояли часами в этой грязи, и ездовые, с голосами степных волынок, по-русски ругались на весь посёлок.

Тося Елисеенко, девушка лет двадцати трёх, тяжёлой украинской стати, полная, красивая, с чёрными глазами, страстными до непримиримости, сказала Вале напрямик, что она обвиняет районный подпольный центр в недооценке такого шахтёрского посёлка, как посёлок Краснодон. Почему до сих пор ни один из руководителей не посетил посёлок Краснодон? Почему на их просьбу не прислали ответственного человека, который научил бы их работать?

Валя сочла себя вправе сказать, что взрослые подпольщики в городе арестованы, а она представляет молодёжную организацию «Молодую гвардию», работающую под руководством областного подпольного центра в Ворошиловграде.

— А почему не пришёл кто-нибудь из членов штаба «Молодой гвардии»? — говорила Тося, сверкая своими недобрыми глазами.— У нас тоже молодёжная организация, — самолюбиво добавила она.

— Я доверенное лицо от штаба,—самолюбиво, приподымая верхнюю яркую губу, говорила Валя, — а посылать члена штаба в организацию, которая ещё ничем не проявила себя в своей деятельности, было бы опромётчиво и неконспиративно... Если вы хоть что-нибудь в этом понимаете, — добавила Валя: это был яд, настоенный на льду.

— Ничем не проявили своей деятельности?! — гневно воскликнула Тося. — Хорош штаб, который не знает деятельности своих организаций. А я не дура рассказывать о нашей деятельности человеку, которого мы не знаем!..

Возможно, они так бы и не договорились, эти красивые, самолюбивые девушки, если бы Коля Сумской со своим носатым, смуглым и умным лицом, полным старинной, дедовской, запорожской отваги и хитрости и одновременно прямоты, что и составляло его обаяние, не пришёл на помощь.

Правда, когда Валя упомянула его фамилию, Тося прикинулась, что и не знает такого. Но тут Валя прямо и холодно сказала, что «Молодая гвардия» знает руководящее положение Сумского в организации, и если Тося не сведёт её с ним, Валя разыщет его сама.

— Интересно мне, как вы его разыщете, — с некоторой тревогой сказала Тося.

— Хотя бы через Лиду Андросову...

— У Лиды Андросовой нет никаких оснований отнестись к вам иначе, чем я!

— Тем хуже... Я буду искать его сама и по незнанию адреса могу его случайно провалить...

И Тося Елисеенко сдалась.

Всё повернулось иначе, когда они очутились у Коли Сумского. Он жил на самом краю посёлка, в просторном деревенском доме,— за домом шла уже степь. Отец его раньше был возчиком на шахте, весь быт их был наполовину деревенский.

Сумской, прищурившись, выслушал надменные пояснения Вали и страстные Тоси и молча пригласил девушек из хаты. Приставной лесенкой они вслед за ним влезли на чердак. Оттуда с шумом взвились в небо голуби, а иные обсели плечи и голову Сумского и норовили сесть на руки, и он, наконец, подставил руку точно вырезанному по лекало турману, такому ослепительному, уж подлинно чистому, как голубь.

Сидевший на чердаке юноша, сложением истый геркулес, ужасно смутился, увидев чужую девушку, и быстро прикрыл что-то возле себя сеном, но Сумской дал ему знак: «Всё в порядке». Геркулес, улыбнувшись, откинул сено, и Валя увидела радиоприёмник.

— Володя Жданов... Валя Неизвестная, что ли, — без улыбки сказал Сумской. — Вот мы трое — Тося, Володя и аз грешник — мы и есть руководящая тройка нашей организации, — говорил он, обсаженный воркующими, ласкающимися к нему и вдруг точно вспыхивающими крыльями голубями.

Пока они договаривались, сможет ли Сумской пойти с Валей в город, Валя чувствовала на себе взгляд геркулеса, и взгляд этот смущал её. Валя знала среди «молодогвардейцев» такого богатыря, как Ковалёв, которого за силу его и доброту звали на окраине «царьком». Но этот был необычайно благородных пропорций и в лице и во всём теле, шея у него была, как изваянная из брон-

зы, от него исходило ощущение силы, спокойной и красивой. И неизвестно почему, Валя вспомнила вдруг Серёжку, босого, и такая счастливая, нежная боль пронзила ей сердце, что она замолчала.

Они все четверо подошли к краю чердака, и вдруг Коля Сумской схватил турмана, сидевшего у него на руке, и, свободно размахнувшись им снизу, изо всех сил запустил его в пасмурное моросящее небо. Голуби снялись с его плеч. Все следили в косое отверстие окна в крыше за турманом. А он, взвившись столбом, исчез в небе, как божий дух.

Тося Елисеенко, всплеснув руками, присела и завизжала. Она завизжала с таким выражением счастья, что все оглянулись на неё и засмеялись: это выражение счастья и в голосе её и в глазах как бы говорило всем: «Вы думаете, что я недобрая, а вы лучше глядите, яка я гарна дивчина с села!..»

Утро застало Валю и Колю Сумского в степи по дороге к городу. Всю хмарь точно смыло за ночь, солнце так припалило с рассветом, что кругом уже было сухо. Степь раскинулась вокруг в одних увядших былинках и всё же прекрасная в свете ранней осени, свете расплавленной меди. Тонкие длинные паутинки всё тянулись, тянулись в воздухе. Немецкие транспортные самолёты наполняли степь своим рокотом, — они летели всё в том же направлении, на Сталинград, на Сталинград, — и снова становилось тихо.

Пройдя с полпути, Валя и Сумской прилегли отдохнуть на солнцепёке, на склоне холма. Сумской закурил.

И вдруг до слуха их донеслась песня, свободно разносившаяся по степи, такая знакомая, что мотив её сразу зазвучал в душе у Вали и у Сумского... «Спят курганы тёмные»... Для них, жителей донецкой степи, это была родная песня, но как же очутилась она, родимая, здесь, в это утро?!. Валя и Коля, приподнявшись на локте, мысленно повторяли слова песни, которая всё приближалась к ним. Исполняли её два голоса, мужской и женский, очень юных, исполняли до отчаянности громко, с вызовом всему миру.

Валя быстро скользнула на вершину холма, глянула украдкой, потом высунулась до пояса и засмеялась.

По дороге, по направлению к ним, шли, взявшись за руки, Володя Осьмухин и его сестра Людмила и пели эту песню, — они просто орали.

Валя сорвалась с холма и во всю прыть, как в детстве, помчалась им навстречу. Сумской, не очень удивившись, медленно пошёл вслед.

— Вы куда?

— На деревню к дедушке, хлеба разжиться... Кто это кульгает за тобой?

— Это свой парень, Коля Сумской, с посёлка.

— Могу рекомендовать тебе ещё одну сочувствующую, мою родную сестру Людмилу, — сейчас в степи произошло объяснение, — сказал Володя.

— Валя, судите сами: разве это — не свинство, ведь все же меня знают, а родной брат всё от меня скрывает, а ведь я всё вижу, вплоть до того, что наткнулась у него на шрифт из типографии и какой-то вонючий раствор, которым он его промывал и часть уже промыл, а часть ещё нет, когда вдруг сегодня... Валя! Знаете ли вы, что случилось сегодня? — вдруг воскликнула Люся, быстро взглянув на подошедшего Сумского.

— Обожди, — серьёзно сказал Володя, — наши мехцеховские лично видели, они же мне всё и рассказали... В общем, они идут мимо парка, смотрят: в воротах кто-то висит в чёрном пальто, и записка на груди. Сначала они думали, немцы кого-нибудь из наших повесили. Подходят, смотрят — Фомин. Ну, знаешь, эта сволочь, «полицай»? А на записке: «Так будем поступать со всеми предателями наших людей». И всё... Понимаешь? — снизив голос до шопота, сказал Володя. — Вот это работка! — воскликнул он. — Два часа при дневном свете висел! Ведь это был его пост, никого поблизости из «полицаев» не было! Масса народу видело, сегодня в городе только об этом и говорят.

Ни Володя, ни Валя не только не знали о решении штаба казнить Фомина, но не могли даже предполагать о возможности такого решения, и Володя был уверен, что это сделала подпольная большевистская организация. Но Валя вдруг так побледнела, что бледность выступила даже сквозь её золотистый загар.

— А не знаешь, с нашей стороны всё прошло благополучно, жертв не было? — спрашивала она, едва владея своими губами.

— Блестяще! — воскликнул Володя. — Никто ни черта не знает, и всё в порядке. Но у меня дома компот... Мама убеждена, что это я повесил этого сукиного сына, и стала предсказывать, что меня тоже повесят. Я уже стал подталкивать Люську, говорю: «Ты видишь, мама глуховата, и у неё температура, и вообще пора к дедушке...»

— Коля, пойдёмте, — вдруг сказала Валя Сумскому.

Весь остальной путь до города Валя едва не загнала своего спутника, и он ничем не мог объяснить происшедшей в ней перемены.

Вот каблуки её застучали по родному крыльцу. Сумской вслед за нею, смущённый, вошёл в столовую.

В столовой молча и напряжённо, как на именинах, сидели друг против друга Мария Андреевна в тёмном платье, плотно облегавшем её полное тело, и маленькая бледная Люся с светлыми золотистыми волосами до плеч.

Мария Андреевна, увидев старшую дочь, быстро встала, хотела что-то сказать и задохнулась, бросилась к дочери, одно мгновение подозрительно глядела то на неё, то на Сумского и, не выдержав, стала исступлённо целовать дочь. И только теперь Валя поняла, что её мать переживала то же самое, что и мать Володи: она подозревала, что её родная дочь, Валя Борц, принимала участие в казни Фомина и именно поэтому отсутствовала эти дни.

Забыв о Сумском, который смущённо стоял у дверей, Валя смотрела на мать с выражением: «Что я могу сказать тебе, мама, ну, что?»

В это время маленькая Люся молча подошла к Вале и протянула записку. Валя машинально развернула записку, даже не успела прочесть, а узнала только почерк. Детская счастливая улыбка осветила её загорелое, запылившееся с дороги лицо. Она быстро оглянулась на Сумского, и краска залила ей даже шею и уши. Валя схватила мать за руку и потащила за собой в другую комнату.

— Мама! — сказала она. — Мама! То, что ты думаешь, — это всё глупости. Но неужели ты не видишь, не понимаешь, чем мы, я, все мои товарищи, живём, неужели ты не понимаешь, что мы не можем жить иначе? Мама! — счастливая, красная, говорила Валя, прямо глядя в лицо матери.

Пышущее здоровьем лицо Марии Андреевны покрылось бледностью, оно стало даже вдохновенным.

— Дочь моя! Благословляю тебя! — сказала Мария Андреевна и заплакала.

Самолёты летели всё в том же направлении, на Сталинград...

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Ашот Граши

Родная земля! С землёю родной
Что может у нас сравниться, друзья?
В родимом краю зелёной весной
Хотел бы я реять птицей, друзья!
Воспел бы дыханье утренних роз,
Атласные травы, промельки гроз,
И небо, как сито, полное звёзд,
И маки бегут зарницей, друзья!
Погибнуть мне за оленей твоих,
За оленёнка селений твоих,
За светлый родник владений твоих,
Который ночами снится, друзья!
Родная сбивала масло в горах,
Круг, схожий с луною, тмином пропах,
И сливки она несла в кувшинах,
В них пена, как дым, клубится,
друзья!

Сражался я за вершины тех гор,
За горные реки, за тёмный бор,
Сражался за них я, и с этих пор
Жжёт сердце любовь сторицей,
друзья!

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ СКРИПАЧ

В ноябре в Москве с большим успехом прошли концерты знаменитого американского скрипача Иегуди Менухина. Прославленному скрипачу всего 28 лет. Несмотря на свой молодой возраст Иегуди Менухин уже много лет пользуется мировой славой.

В Советском Союзе Иегуди Менухин концертировал впервые. Концерты его состоялись в лучших концертных залах столицы: в Большом зале Консерватории и Зале имени Чайковского — и вызвали огромный интерес у широкой общественности Москвы.

Я снова побываю в СССР

Вот что Иегуди Менухин просил передать читателям «Огонька»:

— Я тронут тёплым приёмом, который был мне оказан советской аудиторией и моими коллегами-музыкантами. Начиная с дружески простой встречи на аэродроме и кончая выступлениями в концертных залах и перед советской детворой, это чувство не покидало меня.

Моими партнёрами в сыгранных мною концертах были пианисты Л. Оборин и А. Макаров, дирижёр А. Орлов и Государственный оркестр СССР. Выступления с ними доставили мне особое удовольствие. Хотя у нас было только по одной репетиции к каждому концерту — из-за ограниченности моего времени, — но я больше чем доволен нашим ансамблем.

Давид Ойстрах, с которым я играл концерт Баха для двух скрипок с оркестром, заслуживает мировой известности. Я ему сказал, что когда он приедет в Америку, наш народ окажет ему такой же тёплый приём, какой был оказан мне в Москве. Вообще, я убеждён, что советское искусство пользовалось бы громадным успехом в Америке! Я очень рад, что смог хоть немного насладиться в советской столице русским искусством.

В свою очередь мне хотелось показать, что в Америке также умеют играть на скрипке и разбираться в музыке. Мне кажется, что вообще в США искусство находится на уровне не менее высоком, чем небоскрёбы. Мне хотелось бы, чтобы теперь, когда всё больше растёт сближение США и СССР, военные материалы, которыми мы так успешно обменивались во время войны, уступили бы место обмену искусством обеих стран.

Надеюсь, что будущей осенью я снова побываю в СССР и поближе познакомлюсь с Советской страной, с советским народом и его искусством.

Мировая скрипичная культура

Едва ли есть на земном шаре народ, который бы не любил игру на смычковых инструментах. От древнейшего рубаба и кеманчи и до совершеннейшей скрипки Страдивария — таков путь этого не только самого выразительного, но и самого трудного по овладению игрой на нём музыкального инструмента.

Только ежедневные многочасовые занятия на протяжении десятилетий при обязательной музыкальной и технической одарённости приводят к достижению вершин скрипичного искусства, к тому, чтобы, говоря словами Л. Н. Толстого о скрипке, «то грустно-нежные, то порывисто-отчаянные звуки свободно перемешивались между собой, лились и лились друг за другом так изящно, так сильно и так бессознательно, что не звуки слышны были, а сам собой лился в душу каждого какой-то прекрасный поток, давно знакомой, но в первый раз высказанной поэзии».

Славяне дали миру таких колоссов владения «царицей инструментов», как Иван Хандошкин, Алексей Львов, Венявский, Кубелик. Русский педагог Ауэр воспитал Хейфеца, Эльмана, Полякина, Цимбалиста и других известных скрипачей современности. И, наконец, советские скрипачи ученики профессоров Столярского, Ямпольского, Цейтлина, Мостраса не раз доказывали на международных конкурсах, как высока скрипичная культура в нашей стране.

За последние годы в СССР побывали скрипачи мировой известности: Яша Хейфец, Жозеф Сигети, Бронислав Губерман и, наконец, самый молодой из них — Иегуди Менухин. Выступление каждого из них проходило с огромным и вполне заслуженным успехом. Их игра обогащала нашу скрипичную культуру, и почти каждый из них восторженно отзывался о советском искусстве.

Мне пришлось не только слушать нашего овеянного мировой славой американского гостя Иегуди Менухина, но и выступать с ним в концерте Баха для двух скрипок с оркестром.

Исполняя этот двойной концерт, Иегуди Менухин играл свою партию, совершенно не стараясь выделиться своей виртуозной индивидуальностью, а максимально подчиняя её требованиям всего ансамбля в целом.

И если после первых сольных концертов Менухина я ощутил его как замечательного солиста-скрипача, то, играя вместе с ним, я ощущал в нём идеального партнёра с исключительным музыкальным тактом.

Мне кажется, что в игре И. Менухина воплощены многие лучшие признаки высокой скрипичной культуры — благородная простота и скромность, соединённые с огромным техническим владением инструментом.

Если к этому добавить, что И. Менухин обладает великолепным чутьём и музыкальностью, то всё это заслуженно подтверждает, что он по праву занимает место в первом ряду мировых скрипачей.

Д. ОЙСТРАХ

Иегуди Менухин. Фото А. Гаранина

В тридцать пятую годовщину смерти Льва Николаевича в Москве, в квартире его старшего сына Сергея Львовича, собрались почти все потомки писателя.

Сергей Львович сейчас — старейшина рода Толстых. Ему минуло 82 года. На глазах у него протекли последние десятилетия жизни его отца в Ясной Поляне. Он видел и знал Чехова, Горького, Короленко.

...Сергей Львович сидит в кресле Льва Николаевича Толстого. Это кресло — своего рода реликвия. В 1908 году, в день 80-летия со дня рождения, Толстой был впервые запечатлён киноаппаратом. Редчайший киноснимок изображает Льва Николаевича в кресле на колёсах, после болезни, на террасе яснополянского дома.

Сергей Львович очень похож на позднейшие портреты его отца. В этот памятный вечер в квартире на Арбате можно было увидеть и самого юного представителя семьи Толстых — 15-летнего Илью Владимировича, ученика восьмого класса 110-й Московской школы.

Естественно, что 35-я годовщина смерти великого русского писателя превратилась для старшего поколения этой семьи в своеобразный вечер воспоминаний, о своём предке Льве Николаевиче Толстом.

Внук Льва Николаевича, Илья Ильич Толстой, вспоминает детство, когда босоногим мальчиком он бегал по лугам и лесам Ясной Поляны...

Потомки великого русского писателя Л. Н. Толстого. На снимке (слева направо): сын Л. Н. Толстого Сергей Львович; внуки: Анна Ильинична, Владимир Ильич, Сергей Сергеевич и Илья Ильич; во втором ряду: правнуки писателя: Илья Владимирович, Олег Владимирович, Александр Ильич и Никита Ильич.

СЕГОДНЯ В СЕМЬЕ ТОЛСТОГО

Л. Назимов,
М. Поляновский

Фото Дм. Бальтерманц.

— Я часто сопровождал деда в его прогулках по Ясной... Конечно, десятилетний мальчик не понимал величия Толстого. Для меня он был любимым и добрым дедушкой, а Ясная — интереснейшим уголком. Сюда приезжало много разных людей, был даже какой-то индус, и он особенно привлекал нас, детей... Помню, когда мы с дедушкой ходили купаться на реку Воронку, нас поразило, как хорошо он плавал...

В памяти Сергея Львовича возникает любопытная деталь яснополянской жизни. Лев Николаевич превосходно знал окрестности Ясной Поляны и легко находил дорогу в местных лесах. И всё же, когда бродил в «засеке», ему очень хотелось заблудиться. Только однажды это ему удалось: это было, когда он ездил верхом с доктором Душаном Маковицким. Они забрались в такую глушь, что Льву Николаевичу пришлось, оставив лошадь, продираться в кустах и зарослях, чуть не на четвереньках разыскивая проезжую тропу.

Родовое гнездо Толстых — яснополянская усадьба. Отдельные уголки её повторяются во многих фотографиях, рисунках, картинах, развешанных на стенах кабинета Сергея Львовича. Эти безупречно выполненные фотографии, приближающие нас к эпохе дагерротипов, насчитывают иной раз более полувека существования: они изображают Льва Николаевича и всю его большую семью в разные периоды жизни.

Вот большой фотографический снимок. Он сделан в день 75-летия со дня рождения Льва Толстого, в 1903 году. Снимок этот замечателен потому, что здесь присутствует вся семья, от старшего сына Сергея Львовича до младшего сына Михаила Львовича.

Старшая из внучек Толстого, Анна Ильинична, разглядывая эту фотографию, рассказывает о своеобразной литературной судьбе младшего сына Толстого — Михаила; судьба забросила его в Марокко, в Африку.

— Всю жизнь трудно было от него добиться письма. В кои веки пришлёт бывало открытку. И вдруг говорят: Михаил Львович разразился большим романом или повестью.

Тема разговора меняется. Видите этот портрет — Лев Николаевич за письменным столом, — известный портрет работы Ге. Это копия. Она сделана женой Льва Николаевича, Софьей Андреевной...

Копия сделана очень тщательно и вполне профессионально с точки зрения художника.

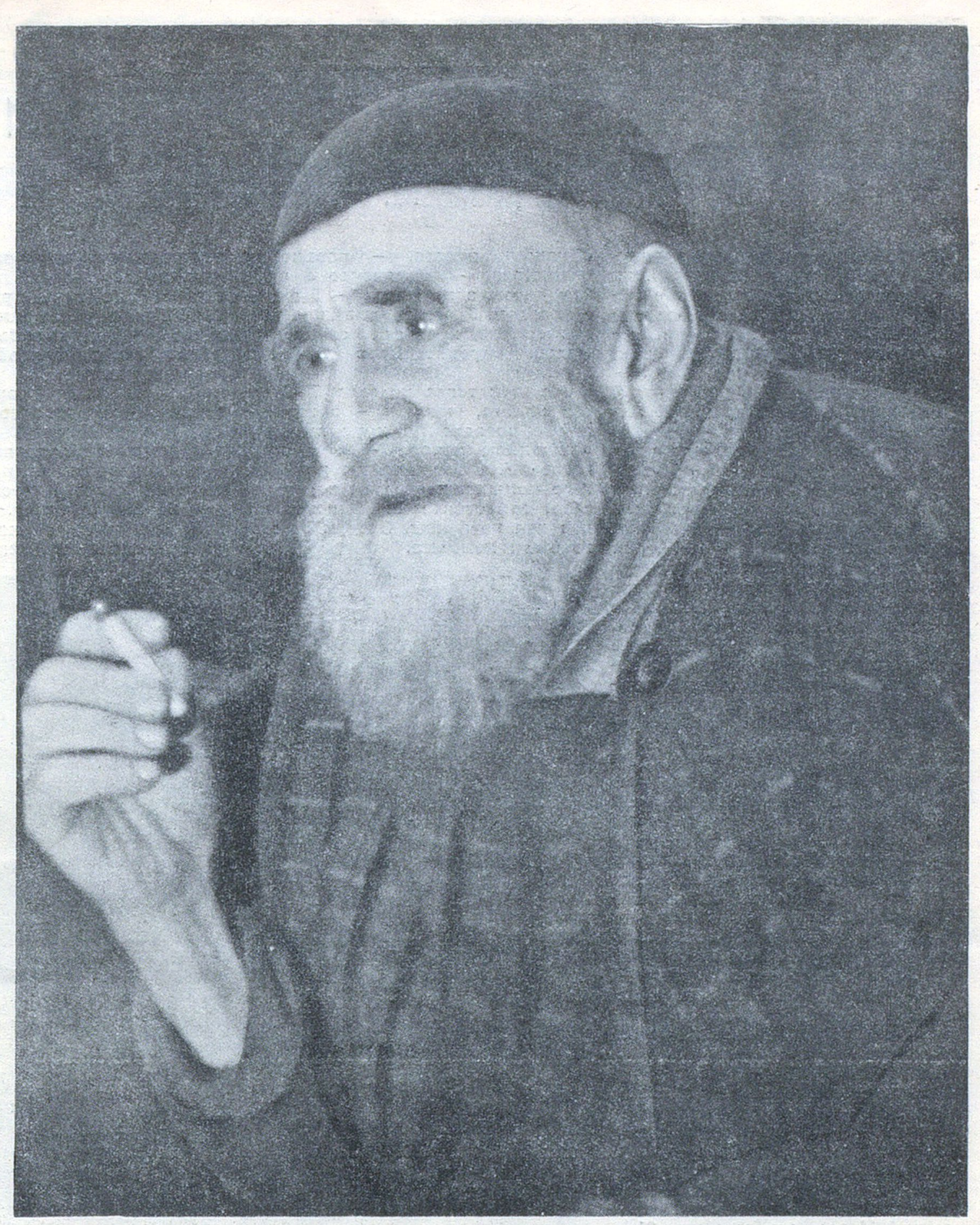
Разговор идёт о том, что Толстые не были чужды самых разнообразных жанров искусства, и это свидетельствует о той творческой атмосфере, которая создавалась в доме великого писателя. Сергей Львович — музыкант и композитор, отец Анны Ильиничны — Илья Львович — автор интересных литературных воспоминаний об отце.

— Мой отец Илья Львович стал интересоваться кинематографией с первых лет её появления. Поглядите на этот яснополянский пейзаж. Здесь, на этом месте, в 1912 году снимали кинофильм «Чем люди живы». Постановщиком фильма и исполнителем роли барина был Илья Львович. Позднее в Голливуде мой отец участвовал в постановке «Воскресения» и играл в специально сочинённом прологе сапожника. Кстати, Илья Львович был очень недоволен постановкой: она исказила замысел произведения.

В этот вечер к Сергею Львовичу пришли три правнука Льва Николаевича. Все трое родились в Югославии и впервые прибыли в СССР.

Старшему из них, Никите Ильичу Толстому, 22 года. Мы узнали его впервые в дни боёв за Будапешт. В те суровые дни кто-то из офицеров указал на молодого красноармейца:

— Это правнук Льва Николаевича Толстого. Он родился в Югославии, в России никогда не был. Когда наша дивизия заняла югославский город Новый Бечей, он пришёл к нам, сначала исполнял обязанности переводчика, потом добровольно вступил в армию; теперь он стрелок-автоматчик.

Сергей Львович Толстой — старший представитель поколения Толстых.

Правнуки Л. Н. Толстого — Олег Владимирович (слева) и Никита Ильич.

Это было в начале 1945 года под Будапештом. Никита Толстой говорил о своей заветной мечте: он хотел увидеть страну, где родился и жил его великий прадед. Не прошло года — и он в Москве.

В этот вечер он пришёл к Сергею Львовичу из музея имени Толстого. Он присутствовал на только что открывшейся научной сессии, был полон впечатлений, впервые увидел секретаря Льва Николаевича Н. Н. Гусева и услышал его доклад «Русский народ в творчестве Толстого».

Два младших правнука Льва Толстого — 18-летний Олег и 15-летний Илья, — приехав из Югославии в Москву, поступили в 110-ю школу. В марте 1944 года Олег Толстой вступил добровольцем в армию маршала Тито и был артиллеристом-наводчиком.

Для этих юношей квартира на Арбате, двухэтажный деревянный особнячок на улице Льва Толстого, где жили Толстые в конце прошлого века, Толстовский музей — всё это дорогое и близкое — «толстовское» в Москве. Тем более привлекает их Ясная Поляна. И они с особенным вниманием слушают Сергея Львовича: он рассказывает о летних месяцах, которые провёл в Яснополянской усадьбе в нынешнем году.

Южные окраины Тулы ещё сохранили следы ожесточённых и кровопролитных боёв зимы 1941 года, лета 1942 года; там, где проходил передний край, ещё можно было увидеть колючую проволоку, зигзаги окопов, шипы противотанковых заграждений.

В те времена знакомые по множеству фотографий два белых каменных столба — въезд в Яснополянскую усадьбу — привлекали внимание бойцов и офицеров, двигавшихся на юг, к Мещовску и Козельску, где ещё шли бои. Надпись «Хода нет! Мины!» у въезда в Ясную Поляну была грозным предупреждением и напоминанием о том, что происходило здесь зимой 1941 года.

Теперь всё это в прошлом...

Только развалины взорванной немцами школы напоминают о гитлеровской орде, осквернявшей землю Ясной Поляны. Попрежнему по яснополянскому дому ходят экскурсанты, попрежнему, обнажив головы, в почтительном молчании люди стоят у могилы Льва Николаевича.

Шумят деревья парка, ветер гуляет в оврагах, где когда-то, удивляя Илью Ефимовича Репина юношеской посадкой, скакал карьером семидесятилетний всадник — Лев Толстой.

Здесь, на Арбате, в Москве, в семье Льва Толстого, среди людей, которые видели его, говорили с ним, среди семейных портретов и реликвий становится ещё ближе Толстой, великий и незабываемый писатель, которого любит, почитает и прославляет советский народ.

Репортаж «ОГОНЬКА»

ШКОЛА ГЕРОЕВ ВОЗДУШНОЙ ВОЙНЫ

М. Постоловский

Перед нами старинная, потускневшая от времени фотокарточка: шеренга русских офицеров в парадной форме. Мы видим палаши и сабли, фуражки и кивера. Перед нами Дыбовский, Андреади, Туношенский, Берченко, Линно — первые воспитанники знаменитой Качинской школы. Первый её выпуск — 11 пилотов.

Тридцать пять лет прошло с тех пор. Далеко ушла вперёд авиация. Но мы глядим на пожелтевший листок фотобумаги, датированный 1911 годом, и он воскрешает в памяти славные деяния пионеров русского воздушного флота.

В 1904 году в России проводился сбор денег на восстановление русского военно-морского флота, пострадавшего в русско-японскую войну. У комитета осталось неизрасходованных 900 тысяч рублей. Их решено было отдать на развитие авиации. Так был создан ОВФ — Отдел воздушного флота; и одним из первых мероприятий его было основание воздухоплавательной школы.

В Гатчине стали строить аэродромы, ангары. В марте 1910 года 6 русских офицеров и среди них известные впоследствии лётчики Мациевич, Ульянин, Матыевич-Мацеевич, Зеленский были командированы во Францию учиться лётному делу. Но метеорологи «забраковали» гатчинский климат. Школу перенесли на юг, в Севастополь. На Куликовском поле в начале ноября 1910 года открылся аэродром.

8(21) ноября 1910 года состоялось торжественное открытие школы.

Прибыли первые 10 учеников — 10 офицеров, специально отобранных военным ведомством. «Нижние чины» к обучению не допускались. В то время школа имела 8 летательных аппаратов, а к осени 1911 года их было уже 21 — «фарманы», «блерио», «антуанеты». В том же году состоялся первый выпуск.

В 1912 году питомец школы штабс-капитан Андреади в течение месяца совершил большой перелёт по маршруту Севастополь — Одесса — Петербург. Лётчик Дыбовский перекрыл рекорд, пройдя этот же маршрут в более короткий срок.

В 1913 году на реке Каче, что у Севастополя, началось большое строительство школы, где она просуществовала 28 лет. В тот год школу посетил первый русский асс — П. Н. Нестеров. Он состязался в пилотаже с «воздушным акробатом» Андреади и затмил его своими знаменитыми «мёртвыми петлями».

Вспыхнула первая империалистическая война с Германией. России потребовалось много лётчиков. В школу для обучения прислали сразу 300 человек. Среди них было немало солдат.

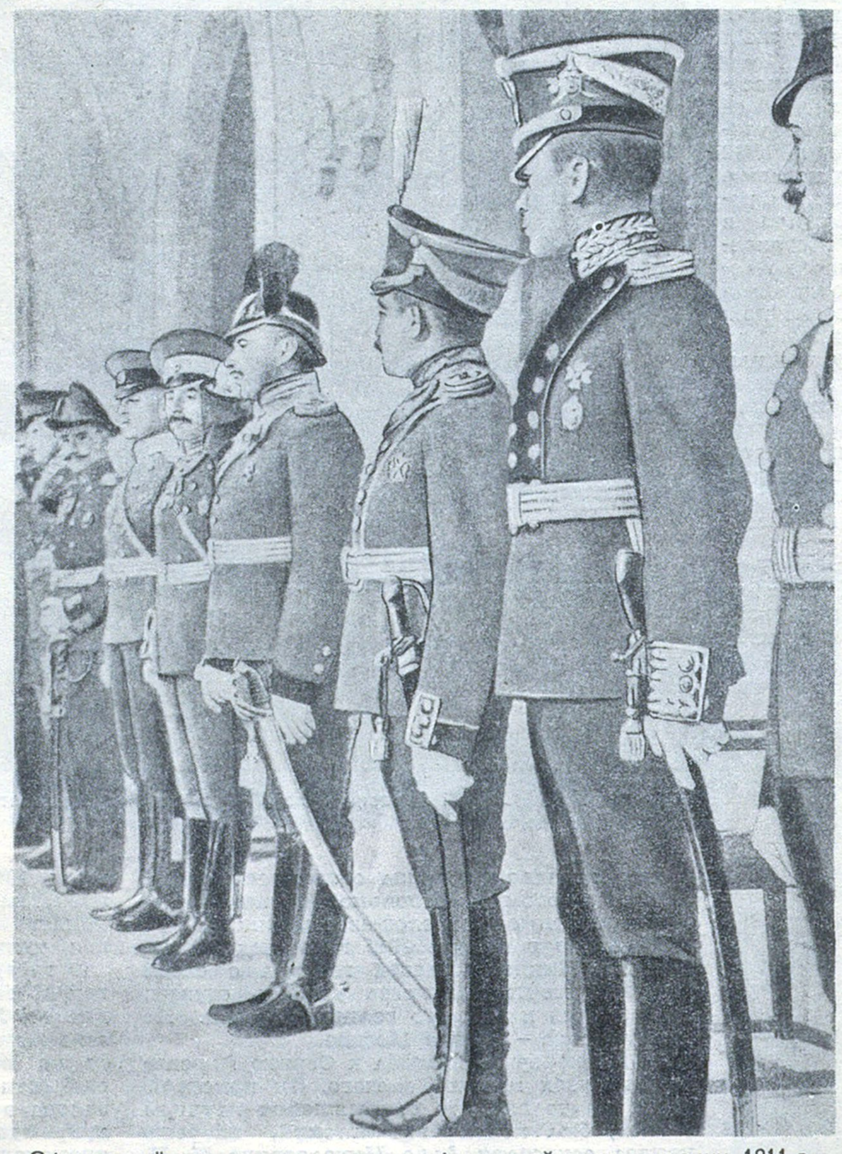
Ветераны школы с улыбкой вспоминают тогдашнюю систему подготовки кадров. Подполковник Л. Н. Фёдоров, учившийся на Каче, рассказывает:

«После беглого осмотра меня взвесили и объявили: «В лёгкую авиацию».

«Почему?» — поинтересовался я.

«Очень просто, — разъяснил фельдшер, — вы весите 4 пуда 20 фунтов, а ваш друг — 5 пудов с лишним. У нас строжайшее указание: того, кто весит свыше 4½ пудов, определять в тяжёлую авиацию».

Обучали тогда недолго: 7—8 часов налёта, экзамен — 5 восьмёрок с посадкой в круг при выключенном моторе — и «лётчик готов». А в годы войны учили и того меньше: несколько часов налёта, самостоятельный вылет и... путёвка на фронт. Потери от этого были немалые.

Офицеры-лётчики первого выпуска офицерской школы авиации. 1911 г.

При всём несовершенстве тогдашних методов обучения школа подарила стране многих храбрых лётчиков. В их числе блистают имена Кособрюхова — виртуоза пилотажа — и Киселёва — грозы немецких «альбатросов». Кособрюхов уже тогда отважно летал через Кавказские горы, поддерживая связь между русскими и английскими войсками.

Среди инструкторов того времени был тов. Астахов, ныне маршал авиации.

Приход в Качинскую школу «нижнего чина» укрепил её связь с подпольными группами большевиков. И когда грянул Октябрь, революционный комитет Качи деятельно принялся за подготовку пилотов для молодой пролетарской армии. Качинцам пришлось воевать с контрреволюцией в Крыму и на Дону, и качинцы делали это успешно и на самолётах и в пешем строю.

Известно имя Георгия Сапожникова — первого советского асса. Его маленький «ньюпор» с изображением туза пик на фюзеляже неутомимо носился над просторами южного фронта, истребляя белых лётчиков.

В 1920 году, с окончательным утверждением советской власти в Крыму, началось второе рождение Качи. Школа получила наименование Украинской тренировочной школы Южного фронта, и с этого момента начинается 25-летний советский период её развития и расцвета.

Первым начальником школы при советской власти был тов. Бобров, ныне генерал. Затем в этой должности длительное время работал Борис Цветков, старейший русский пилот, впоследствии лётчик-«миллионер» Аэрофлота. В школе насчитывалось тогда 6 инструкторов и 22 учлёта. Тяжёлые были времена. Занимались в полуразрушенных помещениях, питались чечевицей. После трудового дня прокладывали шоссе к Севастополю, сооружали мост через реку Бельбек.

С подъёмом промышленности появились первые самолёты советского производства — «У-I» и «Р-I», вытеснившие устаревших «фарманов» и «ньюпоров». Это был серьёзный этап в жизни школы: новая материальная часть — новые перспективы роста. Раньше бывало: что ни инструктор — то новое наставление по полётам. Теперь эти «наставления» сводились в единую, стройную методическую систему.

В 1925 году приказом М. В. Фрунзе школе было присвоено имя старого большевика, одного из строителей Красной Армии — А. Ф. Мясникова.

С 1926 по 1929 год школа обучила лётному искусству 600 рядовых курсантов и 100 командиров и политработников. Из выпускников того времени выросли видные деятели сегодняшней авиации: Герой Советского Союза Г. Ф. Байдуков, герой Берлина генерал-полковник авиации С. И. Руденко, знатоки противовоздушной обороны генерал-полковник авиации И. Д. Климов и генерал-лейтенант авиации С. А. Пестов.

В первое празднование Дня авиации — 18 августа 1933 года — ЦИК СССР наградил школу Почётным революционным красным знаменем.

В 1933—1934 годах хозяйство школы обогащается новыми советскими машинами — «У-2» и «Р-5». В школе широко организуется переподготовка офицеров авиации. Здесь переучиваются, повышают свою квалификацию. Школа становится рассадником авиационной культуры. И сейчас среди наших соколов живёт поговорка: «На Каче — всё иначе». Заслуженная похвала! Кача выдвигает передовые методические идеи. Инструкторы с берегов Качи особенно ценятся в авиации.

Когда пришло время проверки огнём, качинцы не посрамили своё доброе имя. На Халхин-Голе и в боях с белофиннами получили первые золотые звёзды Героев Советского Союза качинцы Рахов, Кравченко, Шинкаренко, Антонов.

Скоростные истребители «И-15» и «И-16» появились над качинским аэродромом весной 1934 года. Их пилотировали знаменитые испытатели В. Чкалов и В. Коккинаки. Вот тогда-то и произошёл случай, описанный в книге Н. Боброва «Чкалов». У самолёта Валерия Павловича не вышла «нога» — шасси. Сорок минут «фигурял» Чкалов, бросая самолёт в положения, не предусмотренные законами аэродинамики, пока шасси не стало на место. Приказом по школе Чкалову была объявлена благодарность за мужество и находчивость, проявленные при испытании самолёта.

Вторая пятилетка отмечена большими перелётами. Питомцы школы Г. Байдуков, А. Беляков и Полина Осипенко своими подвигами умножили тогда славу нашей авиации.

В 1940 году Качинская краснознамённая военная авиационная школа имени А. Ф. Мясникова уже стояла в ряду образцовых учебных заведений. Школьный городок напоминал курортный уголок Крыма. Качинцы помнят светлые учебные и жилые корпуса, аллеи фруктовых деревьев и белых акаций, цветочные посадки, фонтаны, асфальтовые дороги, большой стадион, один из лучших в Красной Армии ДКА,

первоклассный аэродром, ангары, мастерские.

Началась Отечественная война. Ярость гитлеровцев обратила авиационный городок в гору щебня и железного лома. Из 66 крупнейших зданий немцы не оставили ни одного. Дорвавшись до Качи, они даже запахали аэродром. Эвакуированный качинский лётный коллектив в это время находился на берегах Волги, в Красном Куте.

Пришлось налаживать жизнь заново. Условия были тяжёлые. Зимой лётное поле заносило глубоким снегом, его приходилось ежедневно откапывать. В печках жгли бурьян, который вырывали из-под снега. В стужу летали без унтов. С полётов шли в нетопленые общежития.

В те трудные для родины дни многие воспитанники школы сражались на различных фронтах. Над Кронштадтом воспитанник школы Н. Кузнецов один вступил в бой против 60 немецких бомбардировщиков. Он был удостоен звания Героя Советского Союза. То же высокое звание получил в эти дни и другой питомец школы — Тимур Фрунзе.

К августу 1942 года школа оказалась в важной стратегической зоне Сталинградского фронта. Она получила задание — обеспечить прикрытие железнодорожной магистрали Урбах — Эльтон. И качинцы с честью выполнили приказ родины: в сентябре 1942 года молодой пилот Д. Гудков (ныне Герой Советского Союза) на высоте 5 тысяч метров таранил «Ю-88». Геройски дрался за Сталинград качинец Герой Советского Союза В. Макаров.

Кача обслуживает проходящие на фронт авиачасти; Кача в совершенстве осваивает самолёт «Харрикейн», прибывший даже без формуляра; Кача быстро переходит на скоростной «Як» и сокращает сроки учёбы.

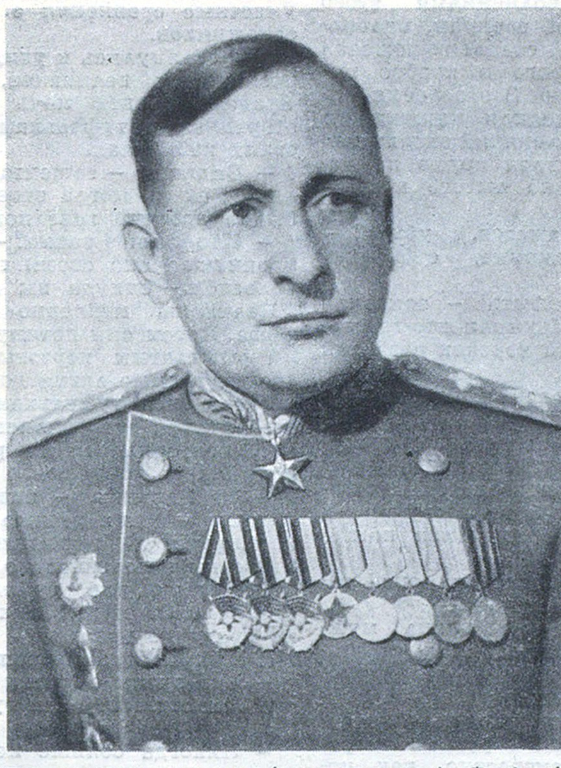
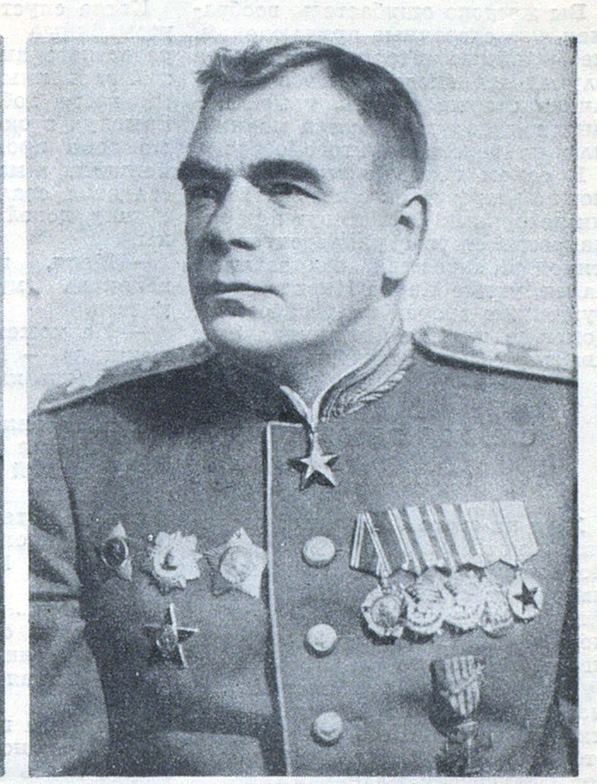
Качинцы работают без катастроф и аварий. Только за 8 месяцев 1945 года совершено 85 743 часа безаварийного налёта. Этим школа обязана преподавательскому, инструкторскому и техническому составу.

Много лет работает здесь преподавателем инженер-полковник Васильев-Соколов. Недаром его прозвали «бог мотора». Он изобретатель и рационализатор, автор сотен ценных предложений. Командир отряда Е. К. Порфирьев работает на Каче 10 лет. Лишь за время Отечественной войны он подготовил 547 лётчиков. Его отряд неизменно на первом месте.

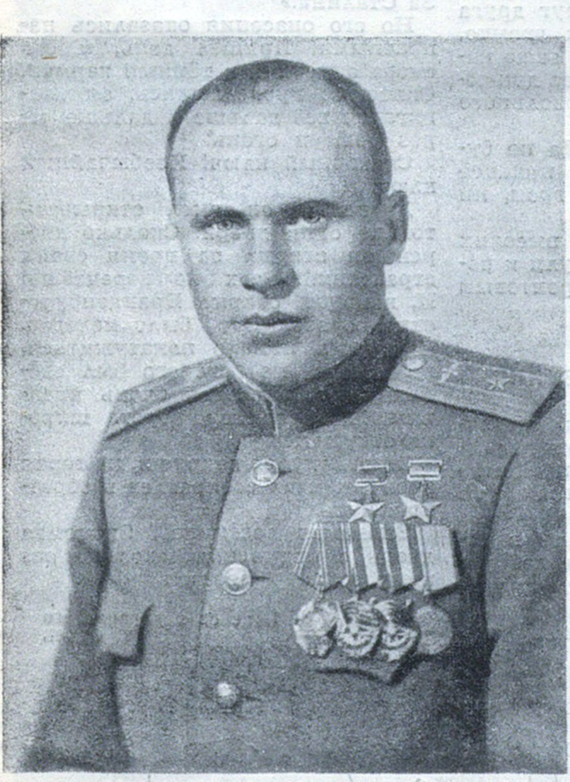
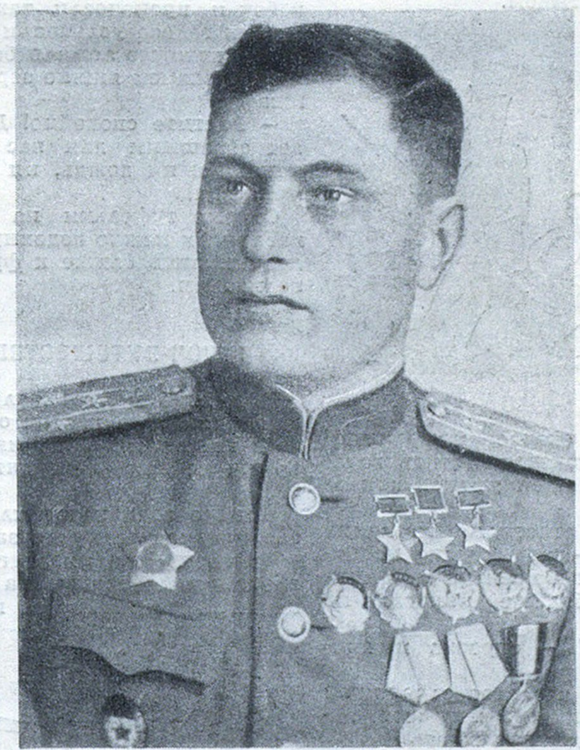
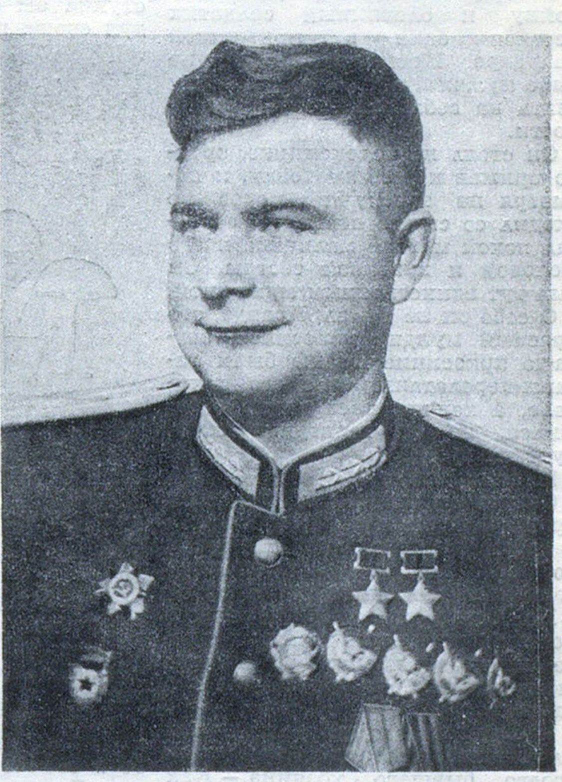
Уважением и любовью пользуются преподаватели тт. Саломатина, Стародуб, Фарбер, Должанский и другие.

Школа дала 215 Героев Советского Союза.

Трижды Герой Советского Союза гвардии полковник А. И. Покрышкин — питомец Качи. Качинцами являются 8 дважды Героев Советского Союза. Назовём генерал-лейтенанта авиации Г. П. Кравченко, подполковника Т. А. Таран, подполковника Б. Ф. Сафонова, гвардии майора Д. Б. Глинку, майора М. З. Бондаренко, майора Амет-Хан-Султана, майора И. М. Степаненко, капитана А. Е. Карпова.

Бывшие воспитанники Качинской школы, маршалы авиации (слева направо): Ф. А. Астахов, Н. С. Скрипко, Ф. Я. Фалалеев.

Питомцы Качинской школы (слева направо): дважды Герой Советского Союза майор М. З. Бондаренко, трижды Герой Советского Союза гвардии полковник А. И. Покрышкин и дважды Герой Советского Союза гвардии майор Д. Б. Глинка.

Фото Л. Леонидова и М. Гершмана

Среди бывших воспитанников школы 100 генералов авиации, в том числе 4 маршала авиации — Ф. А. Астахов, Н. С. Скрипко, Ф. Я. Фалалеев, С. В. Жаворонков.

* * *

Тридцатипятилетний юбилей своей жизни Качинская школа встречает во всеоружии новейшей техники, обогащённая опытом беспримерных военных испытаний.

СТРАННЫЕ ИСТОРИИ

Юхим Мартыч

Рисунки К. Елисеева

Вы жестоко ошибаетесь, воображая, что сказочные приключения, необычайные истории и странные случаи происходят лишь в развалинах старых замков, у мельницы, в которую ударила молния, или на берегу забытого озера.

В самом центре нашего Киева можно встретиться с необычайными историями. Они живут в парке напротив старого университета, в тихой и заросшей, как забытая аллея, улице Карла Маркса, в запущенных дворах полуистлевших домов, в шумных коммунальных квартирах. Вот некоторые из них.

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Жил на свете оловянный солдатик. Как он попал в эту комнату? Возможно, он принадлежал комунибудь из старых жильцов. Шкафы и рояль жилец перевёз на новую квартиру, а маленькую игрушку оставил среди тёмных бутылочек от лекарства и всякой чепухи и хлама. А может, ктонибудь подарил его жившему в этой квартире мальчику, когда тот был совсем маленький?

Теперь мальчик вырос, ушёл на войну и оловянный солдатик остался один в притихшей квартире. Кроме него там не было мужчин, вот и пришлось ему взять на себя различные обязанности.

Он стоял на подоконнике, крепко прижав к себе винтовку, и несмотря на трескучий мороз не сходил со своего поста. Он оберегал покой матери мальчика и его молодой и красивой сестры. Он был тут единственным мужчиной.

О себе он не думал. Правда, его красный мундир износился, когда-то яркосиние штаны были латаны-перелатаны, тело его похудело, а кончик носа давно отломился, но он терпеливо ждал лучших времён.

И дождался.

Сперва он испугался, услышав крики матери и сестры, их смех и слёзы одновременно. Неужели по его недосмотру несчастье ворвалось в комнату?

Но скоро выяснилось, что в комнату ввалилось счастье ввиде крепкого юноши в выцветшей гимнастёрке и скрипучих сапогах.

— Неужели это он? — удивился оловянный солдатик, не узнав своего бывшего хозяина.— Как всё меняется на этом свете! Какое счастье, что я владею секретом вечной молодости!

И он хотел от радости подпрыгнуть на месте, но дисциплина удержала его. Когда он услышал рассказы юноши о разных историях, случившихся с ним на фронтах, его радость сменилась грустью.

— Эх! — сказал оловянный солдатик. — Так и жизнь пройдёт, как прошли Азорские острова! И не успею прославить свою особу. Сегодня ночью иду я на фронт!

Он не знал, бедняга, что фронта уже нет и поздно было мечтать о боевой славе.

Когда спустилась ночь и все, утомлённые волнениями этого радостного дня, заснули, маленький оловянный солдатик пожелал им всего доброго и храбро выпрыгнул в окно. В это время мимо дома проходили мужчина и женщина, и маленький оловянный солдатик свалился прямо на макушку довольно лысого мужчины.

— Меня, кажется, убили! — вскричал мужчина, собираясь упасть.

— Не может быть! — заметила женщина. — Неужели кто-то бросил камень или черепок разбитой чашки?

Она склонилась и начала шарить руками по траве.

Маленький оловянный солдатик лежал притаившись, ему очень не хотелось попасть в женские руки: он был испытанным холостяком. Но женщина нашла его.

— Смотри...— сказала она задумчиво, — солдатик...

— Солдатик!—подтвердил мужчина.— Какая противная игрушка!

Он искоса взглянул на маленького оловянного солдатика, не решаясь взять его в руки. И хорошо сделал: неизвестно, как поступил бы с ним солдатик, орудуя своим штыком.

— Идёмте скорее, моя милая! Мне очень хочется выпить горячего чаю в нашей уютной комнате.

— Нет, — ответила женщина задумчиво, — мы больше не будем пить чай в моей уютной комнате. Мы больше никогда не встретимся.

— Почему? — спросил мужчина.

— Потому, что этот оловянный солдатик напомнил мне того, кого я стойко должна ждать.

— Вот как! — сказал мужчина.

— Вот так! — сказала женщина и заботливо завернула солдатика в свой тонкий вышитый платок.

Тут начинается уже новая история о маленьком оловянном солдатике, которого отныне следует называть Стойким.

МАЛЕНЬКИЕ СЕРЫЕ ТУФЕЛЬКИ

Маленькие туфельки из серой парусины вдруг проснулись среди ночи. Может, легкомысленная мышка толкнула их, может, им приснился ужасный сон о том, что у них вдруг выросли шнурки.

— Ты не спишь? — спросила правая туфелька, которую звали Тик.

— Нет, — вздохнула Так: это было имя левой. — Мне кажется, что случилось что-то необычайное.

Она была большой мечтательницей, левая туфелька Так. Если бы она писала романы, возможно, опередила бы даже... Но не будем касаться личностей: для литераторов страшно обидны всякие неуместные сравнения с ремеслом сапожников.

Они оглянулись и увидели двух незнакомых великанов, которые храпели во всю мочь рядом со старенькими туфельками на высоких каблучках.

— Видишь? — зашептала Тик.

Но Так не могла ответить: она была чересчур взволнована.

— Кто вы такие? — наконец пропищала она своим тоненьким голоском.— Откуда вы взялись?

Великаны медленно открыли глаза. Потом они потянулись своим рыжеватым керзовым телом; две акуратные латки добродушно усмехнулись туфелькам.

— Откуда вы взялись? — как эхо, повторила менее решительная Тик.

— Из Берлина, — ответили великаны. — Мы керзовые сапоги — всемирные путешественники. Разве вы не слышали о нас?

Тут маленькие туфельки покраснели от стыда: как же они их сразу не узнали?

И Тик тихонько прошептала:

— Мы очень скучали без вас!

И Так откликнулась чуть слышно:

— Никогда больше не уходите от нас.

Великаны толкнули друг друга в бок и произнесли так громко, что их голоса услышали даже калоши, которые лежали без движения в нижнем ящике зеркального шкафа:

— Растите спокойно! Да не будет страшным для вас никакое ненастье: ни дождь, ни гром, ни метелица!..

Старые туфельки на высоких каблучках нежно вздохнули и подвинулись ближе к фронтовым великанам.

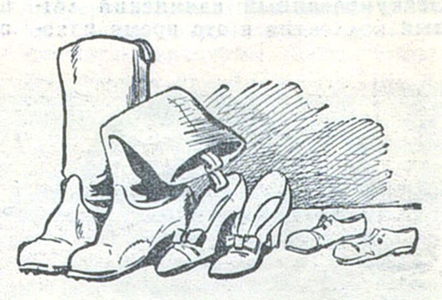
КЛЮЧ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

В детстве мы слышали сказочные истории о ключе, открывающем все двери. История нашего ключа самая невероятная из всех.

Четыре года назад ключ в последний раз цокнул в замке.

Он цокнул в замке, взглянув на знакомую лестницу, на дверь с надписью, сколько раз кому стучать и сколько звонить, и направился в мир.

Его спрятали в тёмном кармане красноармейских галифе. Там оказалось очень неудобно: это был необыкновенный ключ, к тому же он всегда жил на просторной площади кармана демисезонного пальто реглан. Впрочем, неудобства только начинались, к ним нужно было привыкать.

И постепенно он привыкал.

Он не боялся выстрелов и взрывов, он тонул в реках и горел в огне. Он попадал в госпиталь, и начальник цейхгауза заносил его в колонку под названием «И прочее», поскольку это не был пистолет или фотография молодой красивой девушки.

Однажды он так долго оставался в госпитальном цейхгаузе, что начал крепко волноваться, не оставили ли его тут навсегда и он останется здесь лежать без движения и ржаветь в неуёмной тоске. Ему было очень тяжело, потому что он уже привык к наступлению, огню и крикам: «Вперёд! За Сталина!»

Но его опасения оказались напрасными. Пришёл день, и его снова опустили в тёмный карман. Скитания продолжались, он подвигался всё дальше и дальше через реки и огонь.

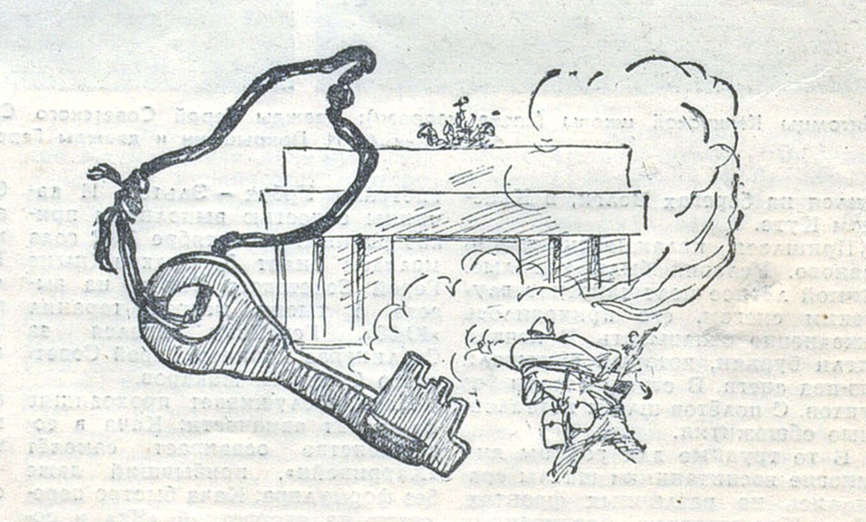
Сказочный ключ! Необычайный ключ!

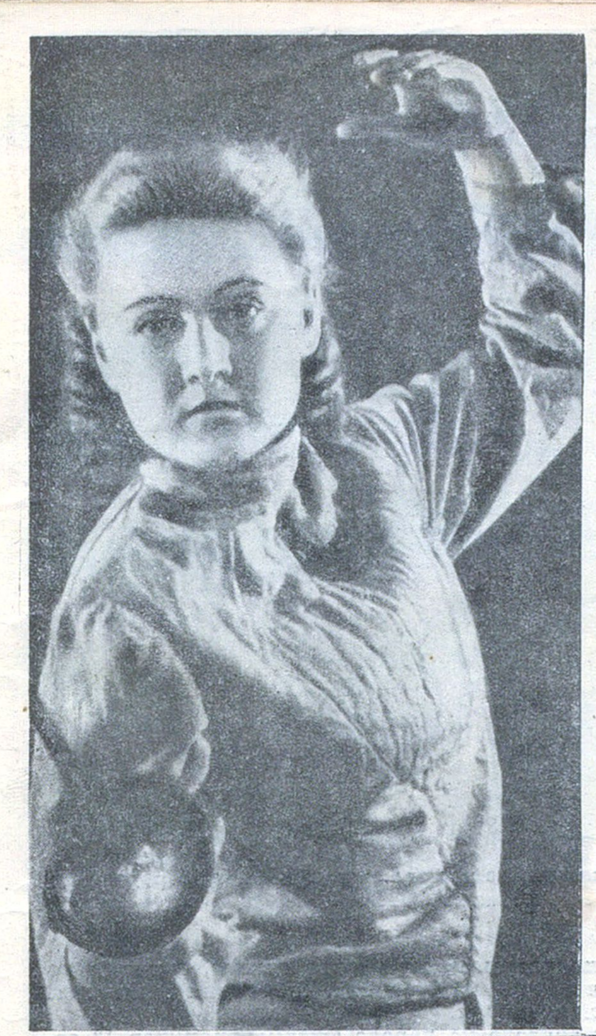
До войны он умел открывать только одни двери. Сколько дверей он открыл за время своих странствий! Всех не перечтёшь! И, наконец, открыл Бранденбургские ворота. Это было нелегко. Пришлось немало понатужиться, но металл, из которого был сделан ключ, оказался очень крепким. И, заскрипев, ворота широко открылись.

Он огляну лся вокруг и, не теряя времени, стал собираться в обратный путь.

Знакомая лестница... Знакомая дверь с надписями, сколько раз кому стучать, звонить.

Перевод с украинского Т. СТАХ.

КАК РОЖДАЕТСЯ СПОРТИВНОЕ МАСТЕРСТВО

Фото Б. Репина

В прошлом году осенью в прифронтовом лесу, за Неманом, для бойцов Ковенской дивизии демонстрировали фильм о последнем предвоенном физкультурном параде на Красной площади. На маленьком экране, натянутом между соснами, видна была праздничная, солнечная Красная площадь, заполненная счастливыми и улыбающимися молодыми спортсменами.

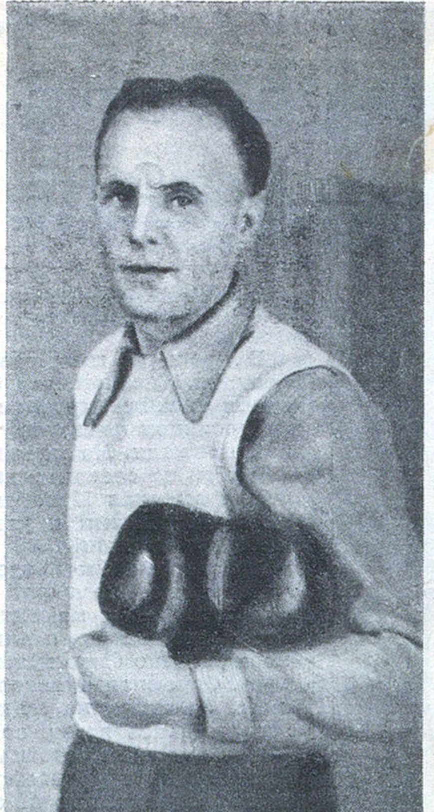
Красноармейцы глядели на экран, как зачарованные. Но вдруг прозвучала команда: «Воздух!» — и моментально исчез во мгле экран, стало тихо, и лишь в чёрном, осеннем небе слышно было гудение немецких самолётов... Огромная аудитория, сидевшая на ельнике, на пнях, на ящиках из-под снарядов, возвращалась в мир войны и тревог.

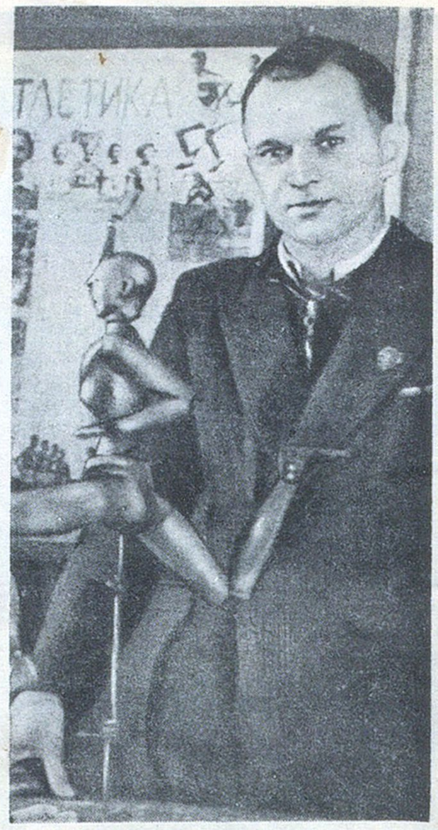
А затем снова светился экран, слышались смех, шум, радостное "ура" на Красной площади. И уже никто не обращал внимания на

Студентки Елена Токарева (слева) и Галина Лабазова на занятиях по фехтованию.

Инфизкульт. Студентки 4-го курса на уроке фехтования.

Преподаватели Института заслуженные мастера спорта Константин Градополов (слева) и Николай Озолин.

близкие артиллерийские разрывы, на грохот танков, идущих по ближней дороге. Все чувствовали себя так, будто они сами присутствовали на Красной площади.

Вспомнил я об этом эпизоде на параде физкультурников 12 августа нынешнего года. Спустя всего три месяца с момента капитуляции фашистской Германии на Красной площади состоялось такое массовое спортивное выступление, которое превосходило по своим масштабам все довоенные физкультурные парады... И это символизировало возвращение нашей страны к мирной жизни. Перед нами проходили физкультурные делегации союзных республик, делегации добровольных спортивных обществ и, наконец, воспитанники Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры имени Сталина.

Много раз приходилось мне видеть физкультурные парады на Красной площади, и всегда особое внимание приковывает выступление студентов этого Института. Вот и в этом году, после четырёхлетней войны, вновь вышли на Красную площадь питомцы этого Института — подтянутые, здоровые, молодые. Они показали образцы гимнастических упражнений и вольных движений, упражнения на шарах, на качелях...

В первые же дни войны две трети состава преподавателей и студентов — 400 человек — добровольно пошли на фронт — в части особого назначения, в партизанские отряды, в истребительные батальоны. Вскоре стало известно об их подвигах, о героическом поведении в тылу врага. Вера Тихомирова — студентка Института — шла и ползла по-пластунски по лесу, занятому немцами, и в качестве сандружинницы спасала из-под огня тяжело раненых бойцов и офицеров Красной Армии. После двух ранений Вера Тихомирова прислала в Институт письмо. Она описывала свои боевые дела, свою ненависть к немцам и кончила письмо такими словами:

«После окончательного разгрома фашистов думаем вернуться в Институт, который помог воспитать в нас такие качества, как выносливость, смелость, любовь к своей Родине и презрение к врагам!..»

Бойцы одной из танковых частей прислали в Институт письмо:

«Ваш Институт по праву носит почётное имя нашего любимого вождя товарища Сталина. Вы воспитали и вырастили тысячи выносливых, настойчивых бойцов... Мы, танкисты, особенно должны благодарить вас за физическую выносливость человека. Вы сами знаете, что броня не любит дряблых и немощных. Нам нужны люди со стальными нервами и железными мускулами. Чем больше у нас таких людей, тем ближе победа...»

Война показала, что Институт физической культуры имени Сталина готовил хорошие кадры физически здоровых и выносливых людей. За время войны отличились воспитанники Института красноармеец Келишев, сержант Николай Голохматов, командир отделения Широков, красноармеец Ананьев, Дубенский, Мамацев, Павел Маркин, Морозова, Тихомирова и десятки других. Преподаватель Института М. Мещеряков и воспитанники Смирнов, Галушкин, Ефимов получили звание Героя Советского Союза.

В течение войны Институт физической культуры подготовил 7 тысяч инструкторов лыжного спорта и обучил хождению на лыжах в обстановке, приближённой к боевой, 124 тысячи бойцов. За это же время Институт обучил рукопашному бою свыше 86 тысяч бойцов и офицеров, гранатометанию — около 43 тысяч, плаванию и переправам вплавь — свыше 5 тысяч человек. Кроме того он готовил людей по военно-полевой гимнастике, лёгкой атлетике, кроссу, работал по восстановлению трудоспособности раненых бойцов

Урок гимнастики. Упражнение выполняет студентка 3-го курса Тамара Груздева. Преподаватель — В. И. Маркова.

и офицеров Красной Армии, по оказанию производственной помощи оборонным предприятиям. Вместе с тем продолжались нормальные учебные занятия.

В военные годы научно-исследовательская работа Института не только не уменьшилась, но увеличилась. Несколько изменился план научно-исследовательской и методической работы. Преподаватели Института работали над такими темами, как «Методика ускоренной подготовки лыжника-бойца», — над этой темой работал Д. Марков; «Воспитание меткости в гранатометании» — работа заслуженного мастера спорта Николая Озолина; «К методике работы по физкультуре с инвалидами войны» — работа профессора Саркизова-Серазина; «Методика ускоренного обучения плаванию» — работа заслуженного мастера спорта Н. Бутович и другие.

Но вот мы видим питомцев Института на Красной площади уже после войны. Институт вернулся к своему основному делу — он готовит преподавателей физкультуры.

В большом здании, выстроенном по проекту знаменитого русского архитектора Казакова, с 8 часов утра кипит работа. В каждой комнате, куда вы ни заглянете, студенты Института либо слушают лекцию либо ведут практические занятия. В одном зале профессор П. А. Рудик читает курс «Психология спорта», в другом — заместитель директора Института тов. Коранов читает лекцию по методике физического воспитания, в третьем — В. А. Губанов проводит лекцию по гимнастике...

В многочисленных залах Института идут практические занятия. Ведущий предмет — гимнастика. Здесь вы увидите упражнения на кольцах, на брусьях, с медицинболом, с булавами, у шведской стенки.

Зина Подольская прекрасно работает на турнике; Лена Токарева, которая на параде физкультурников поражала всех лёгкостью упражнений на качелях, работает на кольцах; Галина Лабазова красиво исполняет вольные движения.

Заведующая учебной частью Института Станислава Антоновна Кераминас знакомит меня с деятельностью Института. С вдохновением, которое бывает лишь у людей, любящих своё дело, она говорила о юбилее Института.

Несколько дней назад, 1 декабря, исполнилось ровно 25 лет со дня, когда Ленин подписал декрет Совета народных комиссаров о Государственном институте физической культуры.

Больше десяти лет назад Институт за выдающиеся успехи по подготовке физкультурных кадров был награждён орденом Ленина. Спустя год ему было присвоено имя товарища Сталина. За 25 лет своего существования он подготовил до 8 тысяч высококвалифицированных специалистов по физической культуре и спорту и свыше 30 тысяч человек обучил на курсах.

Таковы достижения, составляющие законную гордость Института, носящего имя нашего великого вождя.

М. МАРТЫНОВ

На первую тренировку по лыжам. Слева направо: Женя Лихачёва и Зина Подольская. →

Почта пришла. ↓

На фоне величественных снежных вершин Арарата раскинулась столица Советской Армении — Ереван.

ЮБИЛЕЙ СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

М. Мержанов

Фото Л. Данилова и С. Фридлянда

На самом юге нашей страны лежит красивая, пёстрая, солнечная Армения. Высокие горы и просторные поля, озёра и сгоревшие под солнцем безводные степи, снег на вершинах хребтов — все эти контрасты природы типичны для Армении.

В одно и то же время здесь бывают все времена года — и зима, и лето, и весна, и осень... И когда в одном районе Армении на колхозных полях приступают к уборке урожая, то в другом районе поля лишь начинают зеленеть.

Природа как бы разделила всю страну на три пояса. В нижнем — цветут хлопок, табак и герань, созревают нежнейшие сорта персиков, винограда, абрикосов; в среднем — колосится зерно; в верхнем поясе расстилаются альпийские луга и пастбища. И над всей этой многоярусной, цветистой природой возвышается библейский Арарат — потухший вулкан, вершина которого покрыта вечными снегами. Он выше Монблана и Казбека. С другой стороны возвышается Алагез — гора ключевых вод и сочных альпийских лугов; с запада на восток и с севера на юг тянутся горные хребты. В этих горных группах берут начало Аракс и Кура, Тигр и Евфрат, Чорох и десятки других рек.

На улицах Еревана.

Ещё выше лежит озеро Севан — самое большое среди высокогорных озёр мира. В нём водится пресноводная рыба — форель. В Севан сбегаются тридцать горных рек, а из Севана выходит одна река — Занга...

Большое количество рек, озёр и водопадов, однако, не спасало Армению от засухи. Большие реки уходили из республики, а малые высыхали в долинах. Высокогорные озёра могли стать лишь базой для энергетики. Отсюда и основные проблемы республики, о которых говорил Ленин, — электрификация и орошение.

Армения — древняя страна. Она существует почти две с половиной тысячи лет. Впервые об Армении упоминается в одной из надписей, сделанных персидским царём Дарием в 521 году до нашей эры. Расположенная между востоком и западом, на торговых караванных путях из Средней Азии в Египет, Грецию, Рим и с запада на восток — в Индию и Китай, — она была ареной политических и экономических столкновений, неизменно подвергаясь большим потрясениям. На заре своей истории армяне боролись с ассирийцами, с древне-персами, с римскими легионерами, с византийцами, арабами, османами, сельджуками, монголами, турками. Все они грабили и жгли армянские города и деревни и уничтожали население.

Когда едешь по Армении, то всюду встречаешься с прошлым этого многострадального народа: с разрушенными соборами, остатками какого-либо поселения.

Трудно в краткой журнальной статье описать многовековую историю армянского народа, но нужно сказать о последних его испытаниях, когда султанское правительство Турции, по указке германского генерального штаба, начало резню армянского народа.

Германский кайзер Вильгельм II в те дни выдвинул свой «план действий» на востоке. Он сказал: «Надо вырезать всех армян, оставить только одного человека, как музейный экспонат...» Нашлись и исполнители этого плана...

Бывший американский посол Моргентау, очевидец этой небывалой резни, рассказывает:

«Палачи подвергли свои жертвы — армян — ужасающим пыткам. Их руки, ноги, грудь пригвождали к доскам, вырывали ногти на руках и ногах, вырывали бороды и брови у стариков, надевали им на ноги колодки, вешали вниз головой. Чтобы находящиеся снаружи не слышали предсмертных воплей несчастных жертв, специально выделенные люди били в барабан...»

Армяне были изгнаны из насиженных мест. Поэтому сейчас можно встретить десятки тысяч беженцев-армян во всех концах земного шара.

Пользуясь тем, что молодая Советская Россия была занята гражданской войной и борьбой с интервентами, турецкая армия начала новый поход на Армению. Ими были взяты города Сарыкамыш, Кагырман, Карс, Александрополь... Их войска подходили к Еревану. Именно в этот момент товарищ Сталин из Баку послал телеграмму Ленину:

«Надо любой ценой спасти Армению, скорее спасти Армению!..»

В это же время измученные произволом тогдашнего дашнакского (меньшевистского) правительства рабочие и крестьяне Армении подняли восстание. На помощь повстанцам пришли части Красной Армии под командой Серго Орджоникидзе. Так, в ноябре 1920 года был приостановлен поход турецкой армии на Ереван и низвергнуто меньшевистское правительство. В последних числах ноября была провозглашена Армянская Советская Социалистическая Республика... Началась новая жизнь.

Товарищ Сталин писал в 1920 году:

«Армения, измученная и многострадальная, отданная милостью Антанты и дашнаков на голод, разорение и беженство, — эта обманутая всеми «друзьями» Армения ныне обрела своё избавление в том, что объявила себя советской страной...»

Это было 25 лет назад.

В нынешнем ноябре Армения отмечала 25-летие установления советской власти. Это большой праздник армянского народа. Какова же сейчас эта страна?

...Машина идёт из Еревана в Камарлинский район по хорошему асфальтированному шоссе. Слева и справа бегут плодородные поля. Араратская долина, получив влагу, ожила, зацвела и начала давать дары земли.

Орошение — одна из основных проблем, решить которую взялась молодая советская республика. И в значительной мере решила её. Сухие, потрескавшиеся от горячих солнечных лучей земли стали плодородными, красивыми, богатыми. В некогда пустынных районах появились новые сёла, новые сады, огороды, пашни...

* * *

За сравнительно короткий срок молодая республика построила Ширакский канал, который орошает 10 тысяч гектаров земли; канал имени Сталина, протяжением в 60 километров (орошает 22 тысячи гектаров); Нижне-Зангинский канал, Камарлинско-Зангибассарский коллектор и десятки мелких каналов районного значения, которые отобрали у засухи большие площади земли.

Война уменьшила ирригационные работы в Армении, но не прекратила их. Начато строительство двух крупных ирригационных сооружений, которые дадут новые десятки тысяч гектаров поливных земель, новые сады, новые богатства, изобилие.

И когда едешь по этим землям, напоённым влагой, когда видишь улыбку на лице старого колхоз-

Герой Советского Союза генерал армии Иван Христофорович Баграмян.

Фото Б. Игнатовича

ника-армянина, собирающего виноград, когда заглянешь в сельскую школу, то невольно вспоминаешь слова английского археолога и художника Роберта Кэрфорда. Он в XIX столетии побывал в районах Араратской долины и так их описал:

«На нашем пути, кроме нашей маленькой группы, мы фактически не встретили ни одного живого существа. Окружающая мёртвая картина усиливала наше впечатление о том, что мы находимся в безлюдной пустыне. Самый мрачный из пройденных мною путей. Самые дикие степи — ничто в сравнении с этой пустыней...»

А мы едем по этим цветущим краям, и спутник мой, знаменитый армянский прозаик Демирчян, рассказывает о стране Урарту, о древней Армении, камни которой до сих пор встречаются на каждом шагу.

Вечером мы посетили какую-то маленькую деревушку, стоящую далеко от большой дороги. Лунный свет падал на низкорослые кудрявые сады, и аллея, ведущая в домик, была хорошо освещена... А когда мы подошли к домику и хозяин открыл дверь, из комнаты вырвался электрический свет и на мгновение ослепил нас.

Электрическая лампочка в этом далёком, тихом уголке — обыденное явление. Деловитость маленького мальчика, который подошёл к выключателю, чтобы зажечь ещё одну лампочку, поразила меня.

Двадцать три года назад в Армении была построена первая сельская электростанция. Это было начало. А уже вскоре появился первенец электрификации Советской Армении — Ереванская ГЭС-I, затем Ереванская ГЭС-II. В годы сталинских пятилеток были построены Ищжеванская, Дилижанская, Нор-Баязетская, Ахтинская, Горисская, Мегринская, Талинская, Кафанская электростанции, Ленинаканская гидроэлектростанция и гидроцентраль — ДЗОРОГЭС. В то же время начались работы по строительству Канакергэса — первого электрогиганта Советской Армении.

Но решающей проблемой энергетики остаётся использование вековых вод Севана. Воды Севана будут по реке Занге протекать в Аракс. На этом водном пути строится несколько гидроэлектростанций, которые и будут основой так называемого севанского каскада. Электрическим светом будет залита Советская Армения. Это реальность. Это — ближайшее будущее молодой советской республики.

Вода и свет — орошение плюс электрификация — стали источником возрождения Армении. На этой базе поднялись сельское хозяйство, садоводство, виноградарство, на этой базе родилась промышленность.

И если раньше в Аллавердском районе существовали маленькие медные рудники, эксплоатируемые чужестранцами, то сейчас Аллаверды и Зангезур — крупные механизированные и электрифицированные очаги цветной металлургии.

Достаточно сказать, что уже в 1941 году Армения дала стране около десяти тысяч тонн меди.

Большой размах получило производство строительных материалов — туфа, известняка, мрамора, базальта, пемзы, гипса.

Туф — это природное богатство Армении — хорошо использован строителями. Красивый, розовый, с лиловым оттенком камень можно встретить всюду — и в селе и в городе. Почти все новые постройки — это постройки из розового туфа. И когда смотришь на Ереван с горы, то он, обновлённый множеством красивых больших зданий, кажется розовым и прозрачным...

В Армении созданы мощная химическая промышленность, текстильная, развивается машиностроение, строятся новые механические мастерские. Особое место занимает пищевая промышленность, которая выпускает свыше 400 названий разной продукции. Особенно выросло производство вин, коньяков, которыми славится трест «Арарат», консервов, мяса, сыра...

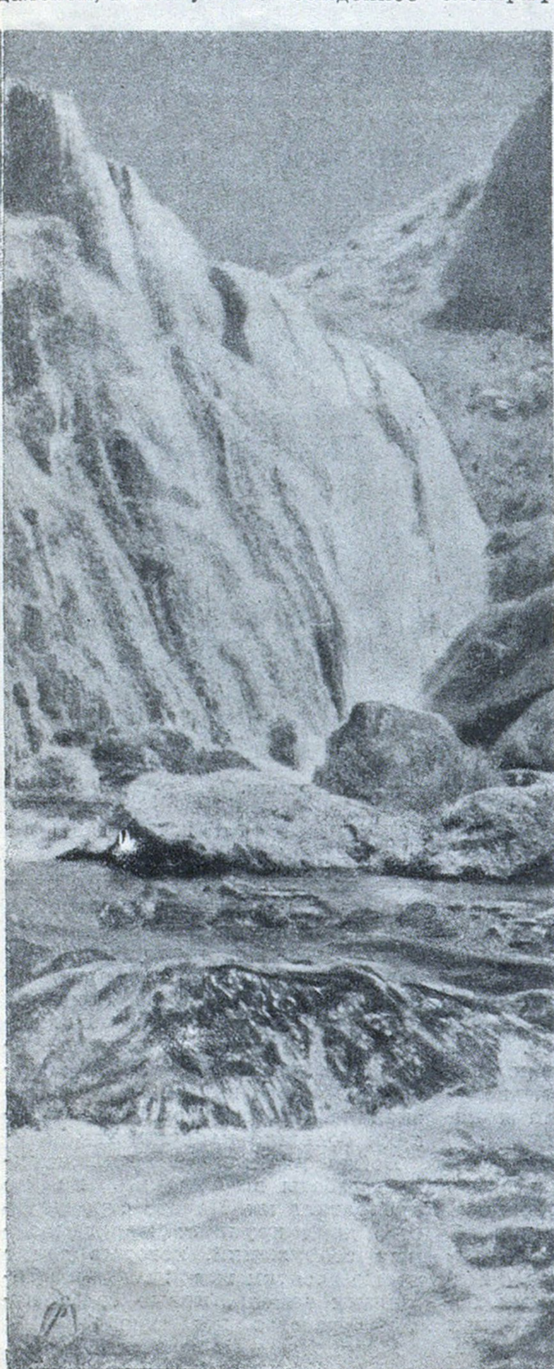
Армянская советская республика празднует свой четвертьвековой юбилей. Армянский народ, знающий историю своей истерзанной страны, с чувством глубокой благодарности обращает свои взоры к великому своему брату — русскому народу, спасшему страну от гибели.

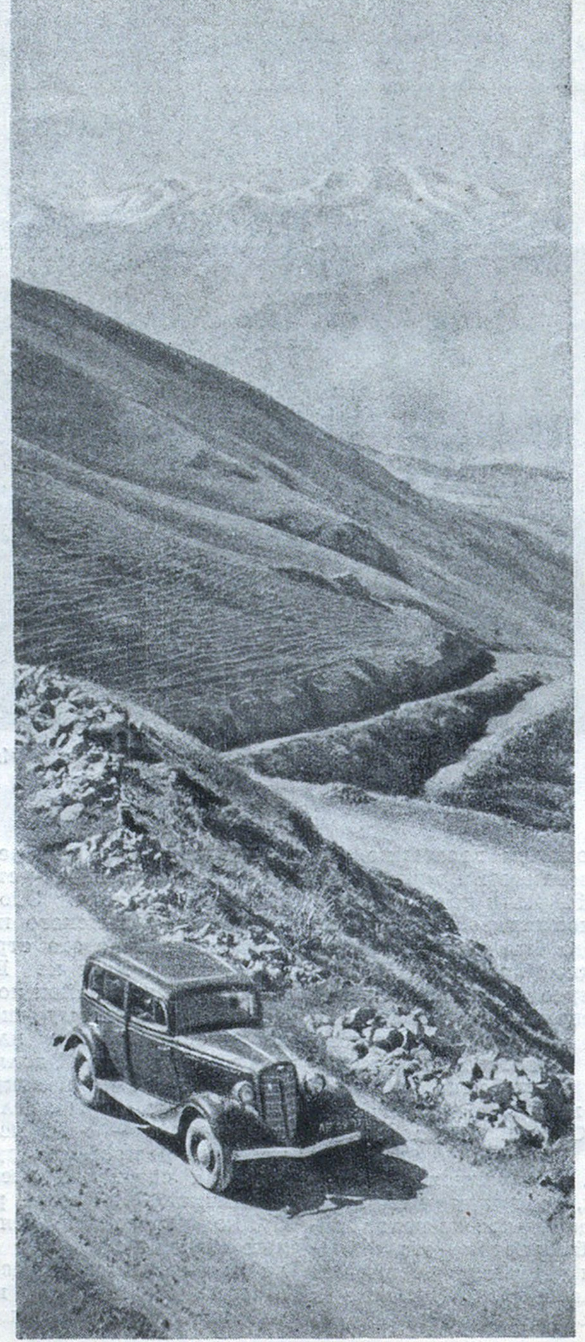
Двадцать пять столетий, кончившиеся полным крахом страны, порабощением народа, упадком культуры...

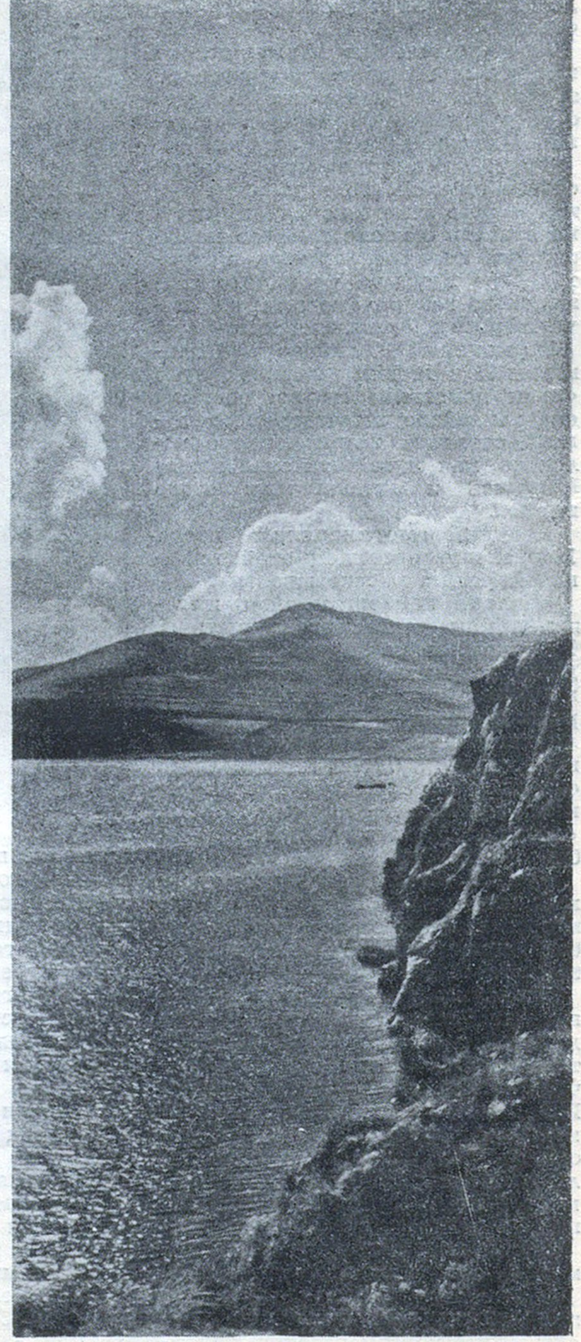
И двадцать пять лет, возродившие Армению, сделавшие её молодой, цветущей, богатой страной...

Мечты Ленина и заботы товарища Сталина об орошении и электрификации осуществились.

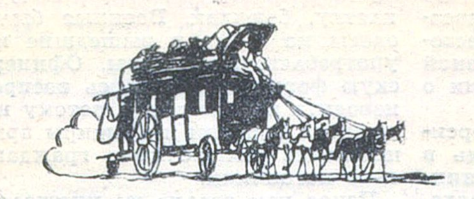
Армянский народ пошёл по правильному пути. И поэтому в день юбилея, когда налиты бокалы всюду — в горном селе, в новом колхозном доме Араратской долины, в новом ереванском Дворце культуры, — всюду первый тост провозглашали за товарища Сталина, великого друга армянского народа.

Пейзажи Армении. Слева направо: 1. Шагинский водопад. 2. Дорога в горах. 3. Озеро Севан.

Лев Никулин

ВЕК МИНУВШИЙ

Живые картины

Рисунки Л. Бродаты

Вообразите уездный город, пыльные улицы, одноэтажные дома, собор, аптеку, тюрьму, казармы и двадцать тысяч жителей — торговцев, чиновников, офицеров и солдат драгунского полка, — уездную глушь начала XX века, карты, скуку, сонную одурь. Вообразите уездную гимназию с монстрами-педагогами и маньяком-директором и Благородное собрание, где каждую ночь — вист, преферанс и тихое пьянство, традиционный новогодний бал-маскарад и, самое главное, библиотека, доступная для немногих счастливцев. Вообразите тринадцатилетнего подростка в гимназической куртке, уже прочитавшего «Грабителей морей» Жаколио, и «Графа Монтекристо» Дюма, и «Нана» Эмиля Золя, и «Крейцерову сонату» Толстого, и «Двадцать шесть и одна» Горького... Точно библиотеку перевозили в другое здание и пока что свалили на пол в хаотическом беспорядке сотни книг. Всё это умещалось в мозгу тринадцатилетнего человека, и этот книжный мир уводил куда-то в иную жизнь, далеко от этого города.

И только книги, где каждая страница — суровая и безжалостная правда жизни, — вот что привлекало юношей и подростков в начале нашего века.

А рядом с книгами, рядом с воображаемым миром, рядом с твоим образом Чацкого, Отелло и Тараса Бульбы возникают живые образы из плоти и крови, возникают за холщёвым занавесом, в волшебном свете рампы, и всё это вместе называется таинственным и волнующим словом — т е а т р...

Что это было на заре моей юности? Сначала это был расписанный цветочными гирляндами пустой и неуютный зал Благородного собрания, где чёрным провалом зияла сцена, где висели свёрнутые пыльные холсты. Когда проветривали зал и весной открывали настежь двери и окна, разворачивали холсты декораций, в ослепляющем солнечном свете открывались малахитовые колонны дворцового зала, нечто немыслимо чудесное, написанное странствующим художником... Или спускался занавес с кипарисами и морской далью...

А что делалось с сердцем, когда случалось проникать в чулан позади дома Благородного собрания, где лежали покрытые пылью и плесенью необыкновенные, невиданные вещи — вызолоченные канделябры, римские шлемы из папье-маше и мечи из дерева, латы и панцири из картона, короны из жести, бумажные фонари, два одноствольных кремнёвых пистолета, шпага гражданского ведомства, букеты и гирлянды из искусственных цветов, гусиные перья и бархатные полумаски?

Всё это было, как утварь в храме, но службы в этом храме не было, не было жрецов искусства: жрецы почему-то миновали этот городок, они заезжали по соседству в большой торговый город. Они боялись уездной глуши: здесь жили люди с каменным сердцем и кошельком, запирающимся на тугой и неподатливый замок. Это был «не-театральный» город. И потому театр открылся для нас поздно, и это был не театр, не музыка, слово и жест, а нечто неподвижное и немое в мёртвенном свете неживого бенгальского огня; всё это вместе называлось живые картины.

Кажется, не было такого городка на Руси, где не существовал бы кружок любителей драматического искусства. Это было, как отдушина, как просвет среди уездной тоски — с преферансами, сплетнями и чревоугодием. Правда, роли распределялись в кружке не в зависимости от таланта или сценического амплуа, а в зависимости от общественного положения любителя или любительницы. Но было и так, что в таком кружке вдруг открывали истинный талант, прекрасное дарование. И недаром Александр Рафаилович Кугель, один из самых умных и страстных театральных критиков, рассказывал, что лучшую Лизу в «Горе от ума» он видел в одном губернском городе. Она была женой предводителя дворянства, прожила жизнь в кругу губернских сановников, их жён и дочерей и умерла в молодые годы от чахотки. Вместе с ней умерла, не родившись, прекрасная актриса русского театра.

На главной улице появлялась гуляющая «чистая» публика.

Любители, о которых идёт речь, приезжали в Благородное собрание в собственных экипажах и верхом, если это были офицеры драгунского полка. Раз в год они выступали в водевилях: «Которая из двух», «Из-за мышонка» или «Горящие письма», — имена и фамилии их не печатались, они отмечались звёздочками, золотой краской, на атласных программках благотворительных вечеров. Престарелый, всегда подвыпивший, прижившийся в городе актёр Печора-Залесский был и режиссёром, и суфлёром, и декоратором кружка любителей; кроме того он умел делать фейерверки и, конечно, был гримёром.

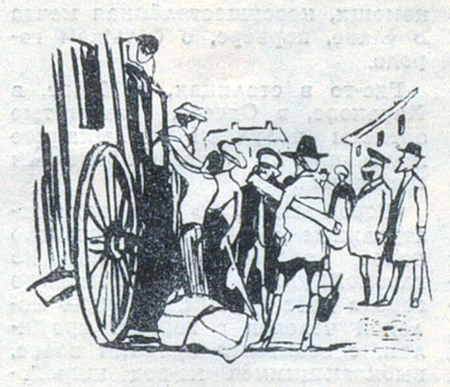
Печора-Залесский был душой благотворительного вечера «в пользу недостаточных учениц Мариинской женской гимназии» и постановщиком живой картины «Поцелуйный обряд».

В зале, где от керосиновых ламп «молния» и множества народа стояла нестерпимая жара, загримированные любители в боярских костюмах как бы окаменели на сцене в картинных, неестественных и напряжённых позах. На выдвинутых из кулис жестяных листах, дымясь, горел рубиново-красный бенгальский огонь, увеличивая духоту и жару. Крупные капли пота падали с наклеенного носа князя Серебряного. Пудра сыпалась с лица боярыни Морозовой, которую до этого в городе отлично знали как жену уездного воинского начальника Марию Ивановну Калашникову. Что же касается князя Серебряного, то в обычной жизни он был полковым адъютантом корнетом Луговским.

После «Поцелуйного обряда» был долгий антракт и страшная суета за кулисами, и, наконец, снова открылся занавес. На сцене по диагонали были выстроены солдаты в иностранной военной форме: они изображали солдат разных национальностей. В позе мирных наблюдателей они смотрели в глубину сцены. Там, лицом к публике, стоял с винтовкой в руках низкорослый японский пехотинец. А перед ним, тоже с винтовкой, в позиции штыкового боя — русский солдат в шинели и маньчжурской папахе.

Аллегория была достаточно ясной. Это было две недели спустя после нападения японского флота на портартурскую эскадру без объявления войны. Это было начало русско-японской войны, и зрители аплодировали горячо и искренно: предательское нападение на русский флот возмутило народ.

Но фронт был за тысячи вёрст, и драгунский полк попрежнему, уже тридцать четвёртый год, стоял в городских казармах, оставляя их только для лагерей, и городок жил глубоко мирной жизнью, и о живых картинах и благотворительном вечере говорили целых три недели и перестали говорить только тогда, когда появилась новая тема для толков. Душа вечера артист Печора-Залесский заболел белой горячкой и был отправлен на средства любителей драматического искусства в губернский сумасшедший дом.

Дилижанс останавливался у ворот «заезжего дома»...

Этот всегда полупьяный старый добряк в старомодном сюртуке, напоминавшем польский кунтуш, знал никому неведомую тайну искусства. Он умел наклеить усы, умел прочитать «Убогую и нарядную» Некрасова так, что прошибала слеза, он умел поставить «Поцелуйный обряд» и «Жёлтую опасность», так называемые «живые картины», и это было в те времена, когда волшебный фонарь был почти чудом, когда на Парижской всемирной выставке в 1900 году кинематограф был самым последним и притом почти неизвестным достижением техники.

Перед закатом солнца на главной улице, которая называлась Соборной, появлялась гуляющая «чистая» публика. Опираясь на палки с резиновыми наконечниками, шествовали отставные военные, за ними — классные дамы Мариинской гимназии, чиновники акцизного и судейского ведомства, — начальство прогуливалось вдоль ограды собора и не глядело на противоположный тротуар. Там гуляли великовозрастные гимназисты, студенты учительской семинарии, молодые люди без определённых занятий, влюблённые парочки и подвыпившие мастеровые.

Именно в этот час, когда садилось солнце, в хорошую погоду густое облако пыли вставало у заставы, и в этом облаке возникало странное сооружение, напоминавшее небольшой одноэтажный дом на саженных колёсах. Гремя железными ободьями по булыжной мостовой, в город въезжал экипаж, называемый «дилижанс» — единственное общедоступное средство сообщения между губернским и уездным городами, отстоявшими друг от друга на сто двадцать вёрст.

Путешествие продолжалось не менее двенадцати часов, а иногда втрое больше, в зависимости от состояния дороги, времени года. Гремели саженные колёса, гудел рожок кондуктора, хлопал бич — так путешествовали в конце прошлого века в тех местах, где железная дорога проходила верстах в тридцати от города.

Развернувшись на базарной площади, дилижанс останавливался у ворот «заезжего дома», и в ту же минуту площадь заполнялась народом. Расправляя затёкшие руки и ноги, разминая бока, потирая затылок и шею, из дилижанса, согнувшись, выползали пассажиры.

Итак, однажды под вечер человек сорок злосчастных путников въехали в город. Гуляющая публика с любопытством разглядывала вновь прибывших.

Первым с верхотурья скатился человек в бархатной блузе, в широкополой шляпе и высоких охотничьих сапогах. Блуза, шляпа, сапоги и лицо человека были одного цвета — цвета дорожной пыли. Подмышкой у него торчали

свёрнутые в трубку листы, в правой руке он держал ведёрко и кисть. Из дилижанса выходили женщины в соломенных шляпах, закутанные в вуали, в парусиновых пальто-балахонах; мужчины — в коротеньких пиджаках и узких брючках, с тросточками в руках. Последним вышел высокий, обросший седым пухом пожилой мужчина в широком плаще-пелерине и фуражке с красным, дворянским околышем.

Остановившись посреди площади, он снял фуражку и, очертив ею в воздухе полукруг, произнёс хриплым, утробным голосом:

— «Невольно к этим грустным берегам меня влечёт неведомая сила...»

Пронзительный, восторженный визг мальчишек «Артисты!» открыл тайну путешественников.

Пять минут спустя всё объяснила афиша-анонс, тут же наклеенная человеком в бархатной блузе и охотничьих сапогах. Афиша возвещала гастроли труппы русских драматических артистов под управлением и при личном участии Кострова-Краевского.

Было что-то бесконечно наивное и трогательное в старых театральных афишах, в самой внешности их с указательными пальцами по одну и другую сторону названия пьесы, с лирой в заголовке и декадентскими лилиями, украшающими текст.

Афиша начиналась словами «С дозволения начальства», были в ней загадочные для нашего времени слова: «Бенефиции принимаются с благодарностью», «В заключение—разнохарактерный дивертисмент» или, например, слова: «При благосклонном участии». Всё это понимали театралы того времени. «Благосклонное участие» означало бесплатное служение святому искусству, «бенефицией» называлась «красненькая», которую высылали артисту, лично доставившему билеты на свой бенефис просвещённому меценату, инструктору или судье.

Какими заманчивыми и соблазнительными казались подросткам большие, напечатанные красно-зелёной краской листы, извещавшие о том, что для первого выхода артиста Кострова-Краевского поставлено будет «Камо грядеши?» (по Сенкевичу) из времён древнего мира, с Костровым-Краевским в роли Нерона. Афиша обещала публике римский цирк, бой гладиаторов, хищных зверей, нумидийский балет, красавицу Поппею и живую картину-апофеоз. А день спустя другая афиша звала нас в театр, где «идёт в первый раз в здешнем городе историческая драма «Христофор Колумб» в 5 действиях и 10 картинах и в заключение «Шельменко-денщик» с участием любимца херсонской публики Измайлова-Чарова».

В городе уже было известно, что Христофором Колумбом будет вчерашний Нерон, всё тот же Костров-Краевский—хриплый, мрачный, пятидесятилетний мужчина, с нависшими чёрными бровями и спутанными седыми волосами. Сколько раз зрители увидят его, Нерона, Отелло, Лира, медленно спускающимся с крыльца трактирного заведения Завьялова! А любимец херсонской публики уже хорошо известен торговкам на базаре. Возвращаясь оттуда, он нежно прижимает к сердцу корзинку с луком, морковкой и свёклой, а позади идёт его сердитая супруга — кассирша драматической труппы.

Странные биографии были у этих людей: это были недоучившиеся гимназисты, ушедшие из полка офицеры, бросившие службу чиновники, девушки, изгнанные из родительского дома за «грех», неудачницы и неудачники, пьющие и выпивающие, недоедающие и голодающие — и над ними всеми тяготела отчуждённость, осуждение общества за беспорядочную жизнь, за то, что «меняют мужей», «меняют жён». Всё это было преувеличено, грешили они ничуть не больше, чем в другой среде, а были актёрские семьи, где жили трогательно и нежно. Правда, таких было немного.

Актёрские дети — нервные, много видевшие, много знающие — странствовали в дилижансах, в вагонах четвёртого класса, в телегах, на возах и в молдаванских мажарах. Дети, родившиеся, в буквальном смысле, за кулисами, в номерах уездных гостиниц, неестественно рано развивались. В пять лет они читали наизусть монологи Чацкого, в шесть лет танцевали в «разнохарактерных дивертисментах», с восьми лет мечтали быть актрисами и актёрами, как их матери и отцы.

У отцов и матерей была разбитая жизнь, ощущение творческой

На герое-любовнике плащ-пелерина. Он выступает, опираясь на трость...

немощи, неосуществлённая мечта о славе, карьере, о большом городе.

Где-то в столицах, в Киеве, в Харькове, в Одессе, знаменитые артисты получали неслыханное жалованье, их ласкали и баловали меценаты...

«Герой-любовник» — об этом театральном амплуа существовало ясное представление... Вот по главной улице университетского города идёт бритый, не очень молодой человек с гордым профилем, с завитыми прядями волос, выбивающимися из-под широкополой шляпы. На герое-любовнике плащ-пелерина. Он выступает, опираясь на трость с серебряным набалдашником, ввиде русалки. На герое-любовнике лимонно-жёлтые штиблеты и вместо шнурков ленты, завязанные пышным бантом. Герой-любовник надушен духами «Кэр де Жаннет». На безымянном пальце у него кольцо с заметным издали бриллиантом. Герой-любовник курит сигары, ездит на лучших в городе извозчиках, ужинает в лучшем ресторане, гуляет только по главной улице, читает только рецензии о себе и своих соперниках.

Так было в больших, университетских городах, а где-нибудь в Прилуках, в Нежине, в Лунинце в хибарках, на краю городка, ютилась труппа драматических артистов, и все кормились вместе, потому что всё было продано и съедено, играли только в воскресенье и в субботу, когда можно было рассчитывать на сбор. И всем надо было кланяться, всех надо было просить: типографа, чтобы напечатал в долг афишу, капельмейстера оркестра, чтобы оркестр в долг сыграл вальс, старшин Благородного собрания, чтобы ещё раз сдали в долг театральный зал.

Мы ещё застали спектакли при керосиновых лампах «молния». У рампы керосиновые лампы прикрывались щитками, затянутыми кисеёй. Зал был низкий, почти квадратный, половину зала занимали стулья, половину — деревянные скамейки. За скамьями были самые дешёвые места, вроде галереи. Занавес изображал морской вид, балюстраду с мраморной вазой и розами. Краски облупились, и местами виднелся холст. Занавес не то чтобы поднимался, а сворачивался в трубку, нехотя и нисколько не торопясь. Иногда верёвку заедало, занавес застревал, открывая зрителям ноги актёров, к полному удовольствию несовершеннолетних зрителей. Декораций было немного: бедная комната, дворцовый зал с нарисованными лепными и бронзовыми украшениями, лесная декорация, затем двери, окна, заклеенные кисеёй, нарисованный камин, нарисованная библиотека. Вот, кажется, и всё.

И всё же в годы юности казалось, что этот облупившийся театральный занавес хранит за собой тайну, и верилось, что свет керосиновых ламп — это солнце Испании и в руках у Дон-Жуана настоящий толедский клинок, а не шпажонка чиновника гражданского ведомства.

Скромен был театральный гардероб: старенькие камзолы, колеты, плащи, шляпы с перьями для исторических пьес всех эпох и народов, боярские костюмы для трагедий А. К. Толстого, для «Воеводы», «Каширской старины». Поддёвки, длиннополые сюртуки, сарафаны, ковровые платки для купеческих пьес Островского. Гамлету полагался чёрный камзол, короткий плащ, чёрное трико, чёрный берет с пером. Чацкий выходил в современном фраке с пришитыми белыми кружевными рукавчиками. Хлестаков появлялся в синем фраке и светлых, в клетку, брючках. Военные были одеты на сцене в вышедшие из употребления мундиры. Офицерскую форму запрещалось воспроизводить в точности, и потому на военные сюртуки и мундиры пришивались поперечные гражданские погончики.

Перед кем только не унижался актёр в эти не слишком далёкие от нас времена? Первый визит был к уездному исправнику или полицмейстеру. Они подписывали афишу и могли не разрешить пьесу, хотя бы это была пьеса, много лет помеченная в списке разрешённых цензурой пьес. Городской голова, члены городской управы, директор гимназии, воинский начальник, предводитель дворянства, архиерей, протоиерей местного собора — все они имели власть над провинциальным театром, имели своё суждение, и — упаси боже — возбудить их недовольство!

Легче было жить, если городская управа не проявляла интереса к драматическому театру; хуже было, если театр находился в ведении самодура, члена управы, домовладельца или скотопромышленника, который занимался делами театра наравне с городской скотобойней. И он заводил себе фаворитку в труппе, и она делала, что ей нравилось, в театре, до тех пор, пока к ней благоволил член управы.

Нужно было крепко верить в своё призвание, чтобы не бросить сцену, не пойти по лёгкому и постыдному пути, откуда не было возврата. И вдруг городок облетела грустная весть: этой ночью повесилась одна из артисток.

Хоронили в сумерках. Скорбными тенями шли актёры, «каторжники Мельпомены», как острили столичные фельетонисты.

Потом по городу шёл второй подписной лист, на этот раз собирали труппе деньги «на выезд», чтобы избавиться от этих, всем надоевших несчастных людей, чтобы город снова жил безмятежной, сонной жизнью, не заботясь о судьбе бродячих артистов.

И опять дилижанс на саженных колёсах, хлопанье бича, рожок кондуктора и далёкая утопающая в чернозёмной грязи дорога, почтовый тракт среди оголённых лесов и полей, по которым гуляет злой, осенний ветер...

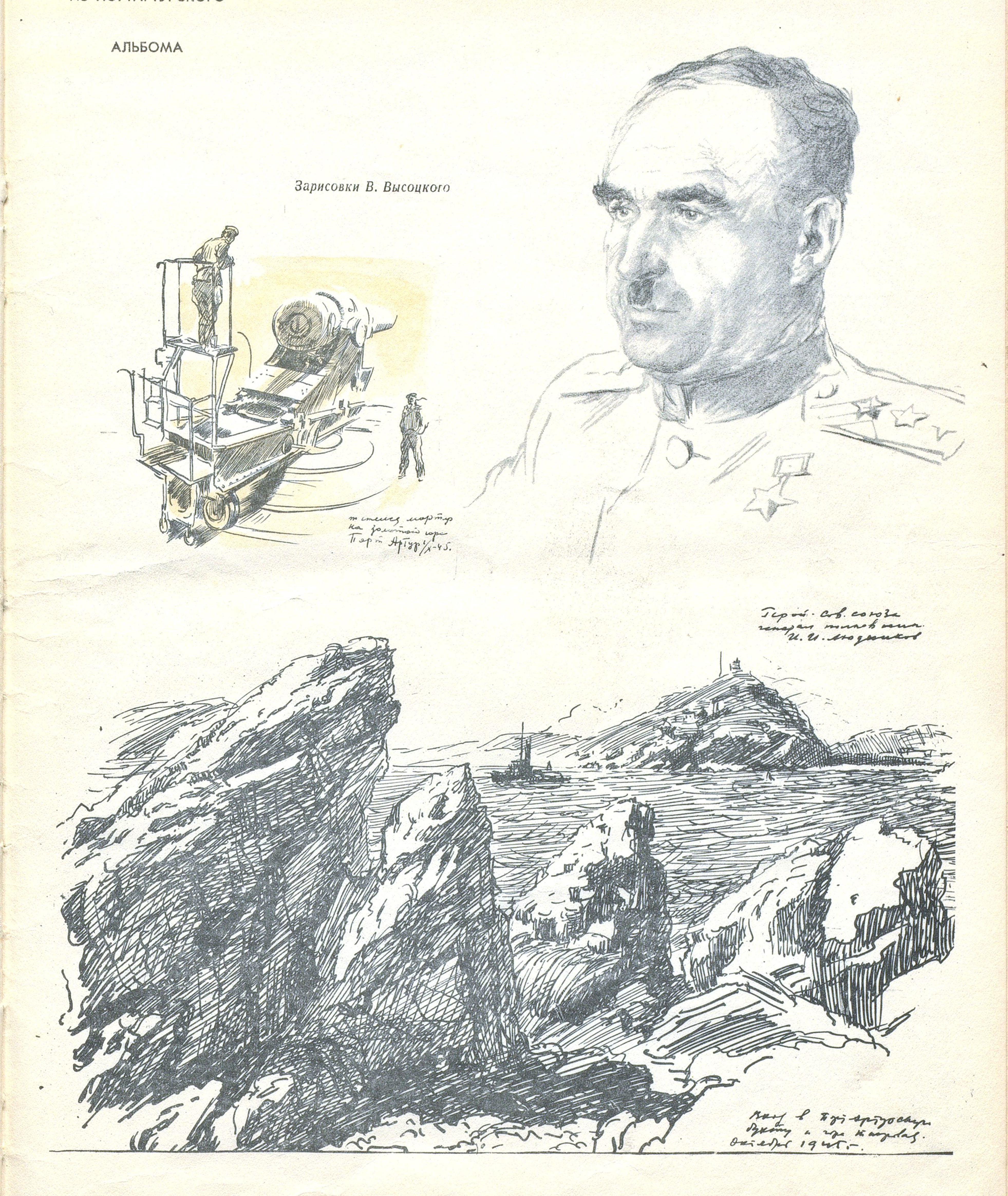
Ещё неделю, другую ветер шевелит клочки старых афиш на городских заборах, но уж не зажигается фонарь у крыльца Благородного собрания. И опять карты, чревоугодие в праздник и под праздник, опять тёмные улицы с никогда не зажигающимися фонарями провинции 1903 года.

Только один слабый, зовущий свет падал от крыльца театра.

И этот свет надолго погас.

Зарисовки В. Высоцкого

Торговец овощами
Дайрен 23/IX 45
Китаец рыбак
Порт-Артур
Порт Артур
Пельменщик
7/X
Дайрен.
В.В.

ИСКУССТВО

НА МУЗЫКАЛЬНЫХ ТОРЖЕСТВАХ В НОРВЕГИИ

Лауреат Сталинской премии Юрий Шапорин (в центре) среди виднейших композиторов Норвегии.

С композитором В. Я. Шебалиным — директором Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского — мы вылетели 4 октября по маршруту: Москва — Берлин — Копенгаген — Осло. Плохие лётные условия у Осло заставили наш самолёт вернуться в Копенгаген. Мы были этому даже рады. Вынужденная остановка позволила нам осмотреть Копенгаген, о котором Рахманинов хорошо сказал: «В этом городе есть сердце». 5 октября мы были уже в Осло.

Хотя музыкальные торжества кончались (оставалось только два дня до их окончания), организаторы любезно позаботились о том, чтобы всё исполненное до нашего приезда мы услышали снова — либо в реальном звучании, либо в записи на тонфильм. Кроме нас с Шебалиным на празднества были приглашены музыканты Дании и Швеции.

До нашей поездки мы очень мало знали о современном музыкальном искусстве Норвегии. Впрочем, и норвежские музыканты мало знакомы с советской музыкальной культурой, с нашими композиторами, их бытом и творчеством. На пресс-конференциях, которых было несколько, приходилось отвечать на вопросы, изобличавшие полное незнание корреспондентами музыкальной жизни СССР: получают ли композиторы авторский гонорар, бесплатно ли обучение в Советском Союзе?

Творчество норвежских композиторов очень интенсивно, так же как и концертная жизнь Норвегии, по крайней мере в тех городах, где мы были,— в Осло и Бергене. Характерная особенность: в концертных залах Норвегии нет фойе, концерты идут без антрактов. Нас поразили выносливость, высокий профессионализм исполнителей и неослабевающее, сосредоточенное внимание слушателей.

Из современных композиторов Норвегии в первую очередь следует назвать Хоральда Северюда— автора очень интересных оркестровых сочинений, каковы: симфония, посвящённая памяти друга композитора-партизана, павшего смертью храбрых в борьбе с немецкими оккупантами, и фортепианные миниатюры.

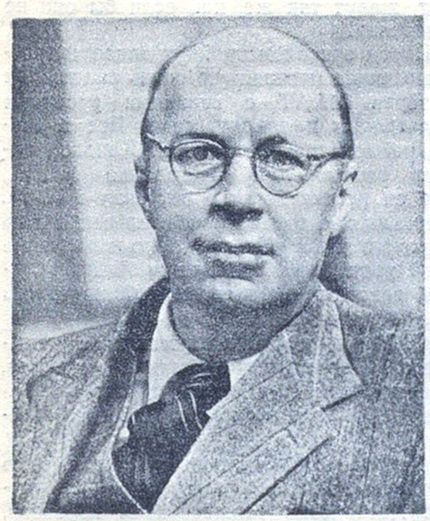
Композитор Иргенс Иенсен был представлен симфонией, глубокой по мыслям, но вызывающей упрёки за недостаточно отточенную форму. Исполнялась симфония Клакса Эгге, руководителя союза композиторов Норвегии, музыкального критика и очень плодовитого композитора. Его камерные произведения и сочинения для сольного исполнения с оркестром, пожалуй, более в характере его дарования, чем симфония. Отличные хоры написаны Гровеном, прекрасно владеющим техникой хорового письма. Часть этих хоров навеяна чувствами национально-освободительного движения Норвегии против немецких оккупантов. Они звучат гневно и грозно. Приятны, а порой и пленительны романсы Анны-Марии Орбек.

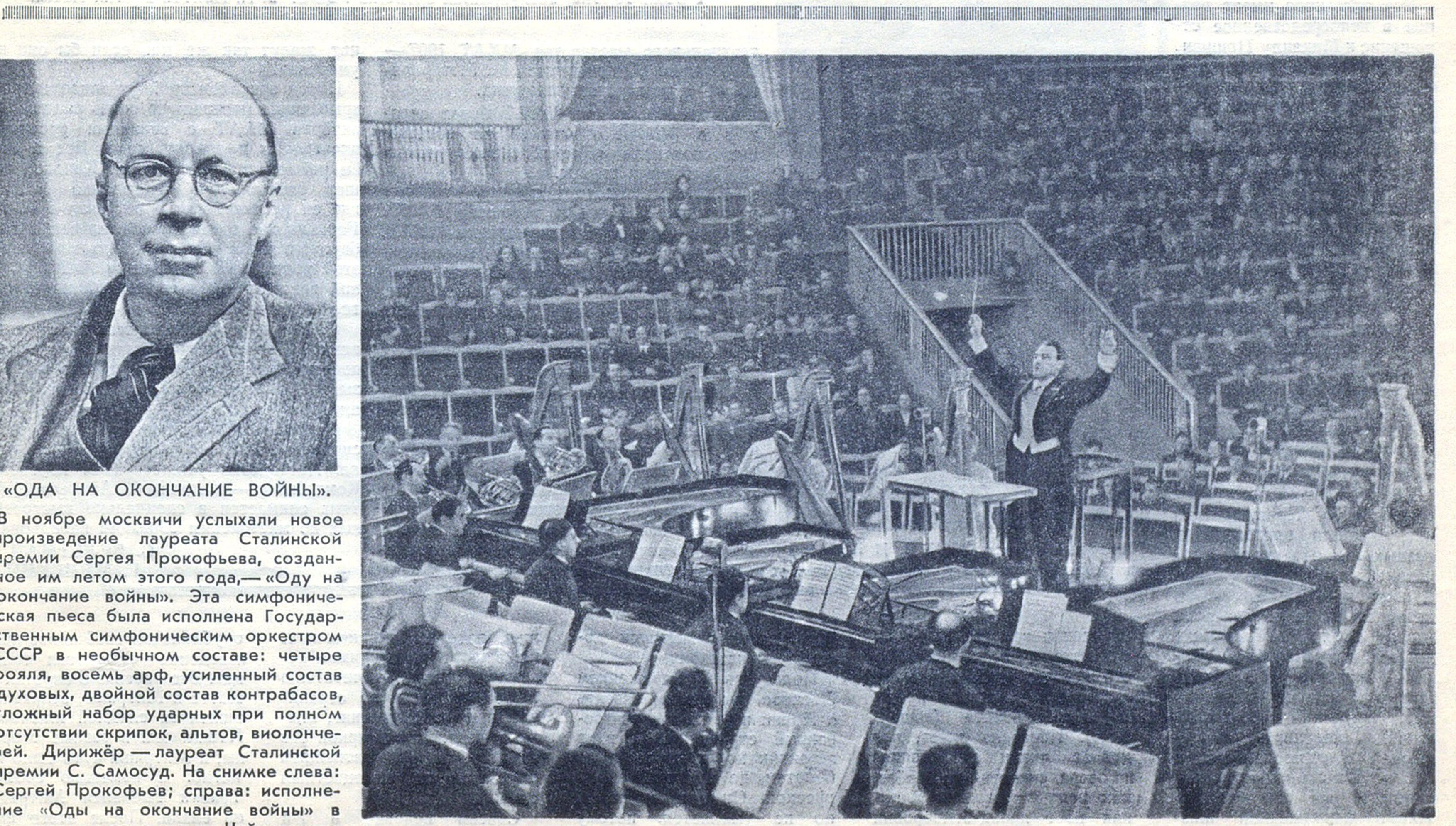
Мы совершили путешествие из Осло в Берген, чтобы возложить на могилу национального норвежского гения Эдварда Грига венок от композиторов Советского Союза, где творчество Грига хорошо знают и любят. Церемония возложения венка вызвала горячие отклики во всей норвежской прессе и способствовала укреплению дружеских чувств между норвежскими композиторами и нами.

На приёмах, которые устраивались в связи с нашим приездом, мы познакомились с рядом интересных людей и были приняты министром иностранных дел Норвегии господином Трюгве-Ли.

Знакомство норвежцев с советской музыкой на этот раз ограничилось неизвестным для них славянским квартетом лауреата Сталинской премии, заслуженного деятеля искусств Шебалина и несколькими моими романсами.

Юрий ШАПОРИН,
лауреат Сталинской премии, заслуженный деятель искусств

«ОДА НА ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ».

В ноябре москвичи услыхали новое произведение лауреата Сталинской премии Сергея Прокофьева, созданное им летом этого года,— «Оду на окончание войны». Эта симфоническая пьеса была исполнена Государственным симфоническим оркестром СССР в необычном составе: четыре рояля, восемь арф, усиленный состав духовых, двойной состав контрабасов, сложный набор ударных при полном отсутствии скрипок, альтов, виолончелей. Дирижёр — лауреат Сталинской премии С. Самосуд. На снимке слева: Сергей Прокофьев; справа: исполнение «Оды на окончание войны» в концертном зале имени Чайковского.

Фото А. Гаранина

САМОБЫТНЫЙ ХУДОЖНИК

Михаил Пришвин.

Некогда Левитану советовали «вписать человечка» в его пейзажи. Великий художник не внял этим советам. Он понял то, что все мы теперь понимаем: в многочисленных образах его природы незримо присутствует человек.

Мы видим на холсте мостик через ручей и чувствуем: только что по нему прошёл кто-то. Над «Вечным покоем» стоит тихий и мечтательный человек. Возможно, сам художник. Быть может, мы с вами.

Всё сказанное имеет прямое и непосредственное отношение к Михаилу Пришвину, одному из ярчайших и самобытнейших наших художников. Пусть говорят: Пришвин—пейзажист, и только. Верно, непосредственный материал его произведений — русская природа. Но Пришвин шире. Он воспел Человека, познающего и покоряющего природу. «Это поэзия и ещё что-то»,— по словам Блока. Это «что-то»— от учёного естествоиспытателя, не перестающего быть художником, удивляться миру Поэзия труда и творчества в великой мастерской природы — так необозримо широка тема Пришвина, художника, глубоко и оригинально мыслящего.

Гослитиздат выпустил «Избранное» Пришвина. В книгу вошли произведения разных лет. Из ранних произведений встречаем «Курымушку» и «Чёрного араба», затем вслед за «Рассказами егеря Михал Михалыча» читаем классический «Корень жизни», «Календарь природы» и вещи последних лет: «Лисичкин хлеб», «Дедушкин валенок», «Фацелию». В этих произведениях лес не только «шумит» или «стонет»: все его «этажи» живут напряжённой жизнью. Пришвинский лес так же, как и вся его Природа, в работе, в движении. «Пусто никогда не бывает в лесу, и если кажется пусто, то сам виноват» («Фацелия»). Писатель знает, что делает дикая утка-кряква на озере, снегирь—на берёзе, как надо зафлажить волка, как поёт дрозд-белобровик или постукивает глухарь... Это знание становится достоянием читателя.

Пользуясь выражением Лескова, мы можем сказать о Пришвине, что он «очарованный странник». И этот странник ходит по лесу, по болотам, по огромной земле русской. Он очаровывается, но не умиляется, потому что, помимо охотничьего ружья, вооружён знанием жизни, в широком и прямом понимании слова. И читателю любо блуждать по страницам пришвинских книг, следя за пытливой и яркой его мыслью, за проникновенным лиризмом, за самоцветным словом.

Совсем недавно в 7-й книге «Октября» Пришвин опубликовал своё новое произведение—«Кладовая солнца». Это рассказ о сиротах—Насте и Митраше, отправившихся за сладкой клюквой. Пошли они в разные стороны, и Митраша чуть было не погиб. С помощью собаки Травки выбрался Митраша из елани. После этого ему удалось убить Серого по

МХАТ НА ЭКРАНЕ

Работники кино приступили к созданию большого художественного фильма «Мастера сцены». Это первая в кинематографии попытка запечатлеть наиболее замечательные образы, созданные современным театром. Фильм посвящён творческому пути Московского Государственного Академического Художественного театра имени А. М. Горького. Постановщики ставят себе задачу—создать из отрывков спектаклей Московского Художественного театра его творческую летопись.

«Актёр — единственный царь и владыка сцены»,— всегда утверждал К. С. Станиславский. Постановщики взяли в основу это указание и создают кинодокумент об отдельных выдающихся мастерах сцен разных поколений.

Фильм покажет замечательное театральное искусство виднейших представителей старого поколения актёров МХАТ: И. М. Москвина, В. И. Качалова, О. Л. Книппер-Чеховой — хранителей самого существенного и драгоценного в исполнительском искусстве театра.

Старых актёров МХАТ первого поколения зритель увидит в заснятых отрывках дореволюционных постановок театра: «Царь Фёдор Иоаннович» А. К. Толстого, «Вишнёвый сад» А. П. Чехова, «На дне» А. М. Горького.

Второе поколение театра будет показано в игре артистов А. Н. Грибова, Д. Н. Ливанова, А. К. Тарасовой, К. Н. Еланской и других в пьесах: «Три сестры» А. П. Чехова, «Горе от ума» А. С. Грибоедова.

В фильме будут также отражены эпизоды из отдельных постановок, характеризующих переходные периоды в истории театрального мастерства МХАТ 1907—1910 годов: «Синяя птица» М. Метерлинка, «У врат царства» и других.

Советский период МХАТ будет отражён в фильме отрывками из постановок спектакля «Кремлёвские куранты» Н. Погодина и других.

— Фильм «Мастера сцены»,— говорит постановщик картины режиссёр В. Ю. Юренев,—это не только история МХАТ. Она затрагивается постольку, поскольку она необходима для решения основной задачи — воссоздать образ МХАТ, его театральную культуру на протяжении всего его существования. С этой целью постановщики фильма вводят в картину целый ряд эпизодов, характеризующих органическую связь МХАТ с его гениальными создателями — К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко — и корифеями русской драматургии — А. П. Чеховым и А. М. Горьким. Хотя нет уже в живых К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, зритель картины видит и ощущает их в каждой постановке. Им посвящена цитата из «Синей птицы»: «Мёртвые, которых помнят, живут так же, как если бы они не умирали».

Перед зрителем пройдут эпизоды, раскрывающие постоянную связь виднейших актёров МХАТ с великими русскими писателями и драматургами. Вот в своём рабочем кабинете В. И. Качалов пишет статью для ежегодника МХАТ, где он рассказывает о встречах с А. М. Горьким и о том, как работал над ролью барона в пьесе «На дне». Про исполнение этой роли В. И. Качаловым А. М. Горький говорил: «Это гораздо больше, чем то, что я написал».

О. Л. Книппер-Чехова заснята в специальной кинематографической новелле, посвящённой А. П. Чехову. Она рассказывает о первых представлениях «Чайки».

Фильм «Мастера сцены» ставится по сценарию С. Владимирского и В. Юренева. Постановка режиссёра В. Юренева. Композитор — академик Б. Асафьев. Картина снимается в специально выстроенных по мхатовским образцам павильонах.

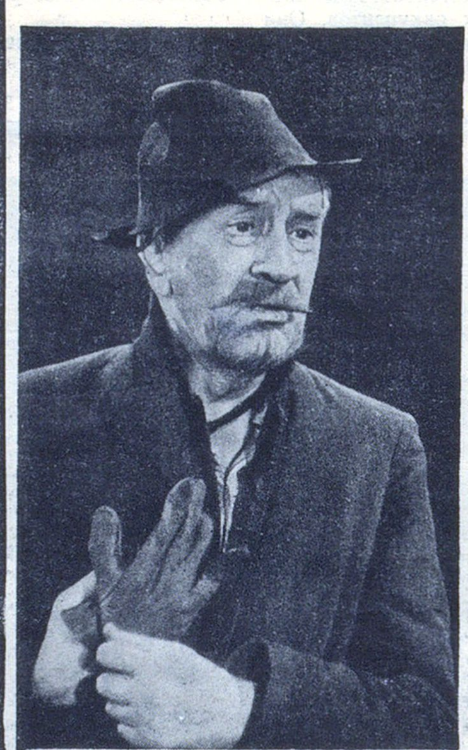
С. ВЕЛЬТМАН, Г. МИНСКИЙ

Сцена из 4-й картины пьесы «Царь Фёдор Иоаннович». В роли царя Фёдора народный артист СССР И. М. Москвин.

Сцена из 4-го действия пьесы «На дне». Народный артист СССР В. И. Качалов в роли барона, заслуженная артистка РСФСР В. Н. Попова в роли Насти.

Народный артист СССР В. И. Качалов в роли барона из пьесы «На дне».

ПОРТРЕТЫ ЧЕРНОМОРЦЕВ

Осенью этого года художница Ада Варновицкая приехала в Севастополь. Ей предстояло работать над галереей портретов героев Черноморского флота. Срок был дан сравнительно короткий.

Трудность почётной задачи усугублялась тем, что художница до поездки почти не работала над мужским портретом. Её героинями были женщины — советские интеллигентки.

Ряд портретов советских артисток и художниц, выставленный на персональной выставке Ады Варновицкой в Москве, обращал на себя внимание тонкостью и мягкостью исполнения.

Теперь художнице предстояло воплотить на полотне образы мужественных героев Черноморского флота, имена которых стали почти легендарными. Выбор был велик.

Художнице помогло командование Черноморского флота. Ей позировали лучшие из лучших героев-черноморцев.

Художница создала свыше двадцати больших акварельных портретов командиров и краснофлотцев. О боевом пути каждого из них можно писать повести, слагать песни. На этот раз, как это ни странно для художницы, среди её моделей была только одна женщина — связистка Черноморского флота Морщинина.

Серию начинает портрет одного из самых талантливых и молодых наших флотоводцев — 35-летнего вице-адмирала Горшкова. На двух других портретах смуглый южанин моряк Доля, единственный, оставшийся в живых из героев легендарного севастопольского дзота № 11. За ним следуют портреты: Воробьёва, прославленного командира зенитной батареи; лейтенанта Мельника, прикрывавшего маневр наших войск артиллерийским огнём и вынесшего раненого командира на спине, причём идти ему пришлось по корабельному канату; героев Советского Союза, прославленных командиров неуловимых торпедных катеров — Котова, Рогачевского, Канонадзе, героических морских лётчиков, и, наконец, юных воспитанников Черноморского флота.

Старшина 1-й статьи герой легендарного дзота № 11 Григорий Доля (Черноморский флот).

Отличный связист Анна Морщинина (Черноморский флот).

Рисунки Ады Варновицкой.

Таковы двадцать портретов Варновицкой. Многие из них — ещё только эскизы к портретам, но и сейчас они привлекают своей выразительностью.

В настоящее время художница занята разработкой лучших из них, добиваясь предельной яркости, законченности и силы в изображении доблестных сынов Черноморского флота.

Ел. ПОВОЛОЦКАЯ

«РОБИНЗОН КРУЗО» В СТЕРЕОКИНО

Летом 1945 года на кавказском побережье Чёрного моря можно было наблюдать странную картину. По берегу разгуливали полуобнажённые люди. Загорелые татуированные тела одних прикрывала только поясная повязка; другие были одеты в причудливые одежды из козьих шкур; третьи расхаживали в старых, поношенных матросских костюмах. А вокруг них расположились стада диких коз, еноты, лисицы, филины, совы.

Это происходило на съёмке нового стереофильма «Робинзон Крузо», а человек, руководивший экспедицией, был Александр Николаевич Андриевский, режиссёр стереокино.

Большая часть фильма уже закончена съёмкой, и весной 1946 года московский зритель увидит первую серию «Робинзона Крузо» на экране.

Роман Даниэля Дефо даёт постановщикам возможность широко показать специфические особенности объёмного кино. Робинзон всматривался пристально, напряжённо в незнакомую ему природу тропиков. Она грозила ему опасностями. Она же давала спасительные источники существования. Стереокино с его спецификой выпуклого, рельефного изображения позволит зрителю вместе с Робинзоном ярко ощутить причудливость невиданных им растений — гигантских лиан, стройных бамбуков — или жизнь диких зверей на воле.

Кадр из стереофильма «Робинзон Крузо». В роли Робинзона — артист П. Кадочников, Пятница — артист Ю. Любимов.

В беседе с нами Андриевский рассказал: «В этой картине будут применены новые приёмы для достижения специальных эффектов, которые до сих пор мы ещё не практиковали. Так, новинкой будет съёмка снегопада. Зрителю будет казаться, что снег падает в самом деле и постепенно запорошит его самого. По ветке, простирающейся от экрана далеко в зрительный зал, будет красться дикий кот. Бабочки, стрекозы, волнистые попугайчики будут порхать над партером.

Раньше кадр был ввиде вертикального узкого прямоугольника. Это было неудобно для композиции. Теперь, по новому методу изобретателя стереокино лауреата Сталинской премии С. П. Иванова и оператора этого фильма Д. В. Суренского, мы снимаем на квадратный кадр, что приблизит композицию кадра к обычному кино».

Интересно в картине разрешена проблема времени. В эпизоде постройки хижины на первом плане мы видим непрерывно работающие руки Робинзона, строгающие жердь, а на втором плане, в глубине экрана, растёт здание хижины. Другой эпизод — ожидание Лизи. Служанка Лизи, вначале ещё совсем молодая, влюблена в молодого Робинзона и ждёт его, напевая песенку. В это время в зрительном зале идёт снег; на глубинном экране картина сменяет одна другую. Лизи, уже старающая, а потом совсем седая, ожидает Робинзона, а в зрительном зале неизменно идёт снег и звучит песенка Лизи. Лизи будет играть лауреат Сталинской премии заслуженная артистка республики Любовь Орлова.

И. В.

мещика — волка, история которого живо передана автором.

Рассказ ведётся от имени разведчиков болотных богатств. Пришвин находит поэзию не в пересказе старых легенд о болотных чертях, а в истинном знании пользы «Кладовой солнца», торфа.

Пришвин умеет быть увлекательным и сказочно-своевольным, говоря о самых обыденных вещах. В его произведениях последних лет мы видим смелую попытку создать сказки жизни, интересной для детей и не менее полезной для взрослых. Такова — после «Неодетой весны» и «Фацелии» — «Кладовая солнца». Настя и Митраша не «вписаны» в природу для её «оживления». Нет, сельские дети, лес, Блудово болото — всё это живёт у Пришвина единой деятельной жизнью. К мельчайшему движению жизни он чуток, его «родственное внимание» приковано ко всему живому: «По-тетеревиному «чуф» скорее всего значило «солнце», а «ши», вероятно, было у них наше «здравствуй».

Картины волчьей охоты, спасения Митраши, поисков сладкой клюквы запоминаются надолго.

Л. ОЗЕРОВ

ИСКУССТВО

КЛАССИК АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

История Армении всегда привлекала внимание писателей и учёных.

Григор Тер-Ованнисян, известный под псевдонимом Мурацан (1854—1908), был не только выдающимся писателем новой армянской литературы, но и историком.

В известном романе писателя «Георг Марзпетуни» (перевод Анны Ионнисиан, Гослитиздат) отражена борьба армян в X веке против арабского халифата, пытавшегося завоевать Армению, раздробить её и подчинить своему владычеству.

Наиболее драматические события этой борьбы пали на годы царствования Ашота II Багратида, которому народ дал прозвище «Железный». Вместе с патриотами-феодалами он вёл ожесточённую борьбу против арабских войск.

Действие романа относится к 915—928 годам, когда в Армении не утихали битвы, когда весь народ встал на борьбу с завоевателями и сверг арабское иго.

На пёстром фоне романа возникают самые разные образы. Здесь и властолюбивые претенденты на армянский трон, и корыстные князья, и неверные вассалы. Но над всеми ними, в окружении народа и воинства, высится центральный образ произведения — народный герой Георг Марзпетуни.

Читатель видит князя Марзпетуни в самые различные моменты его деятельности. Во имя высокой общей цели Георг примиряет враждующих между собой феодалов. Он не только друг, но и советник царя. Он вдохновляет Ашота I на борьбу и победу. Наконец, писатель изображает Георга Марзпетуни как выразителя чаяний и надежд народа.

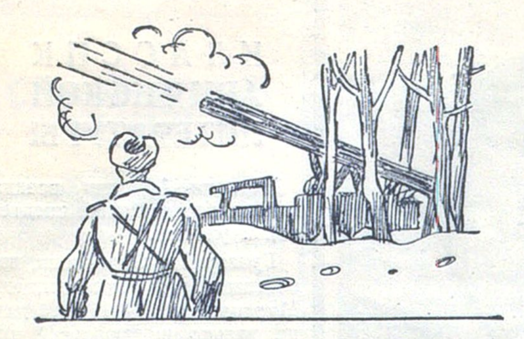
Страницы, где автор рассказывает, как двадцать храбрецов, двадцать «воинов обета» во главе с князем выступают против большого арабского войска и разбивают его, — самые значительные в книге.

В царской России, когда жил Мурацан, он не мог найти настоящего признания. Сам Мурацан о своём творчестве говорил:

«Хорошо ли, плохо ли я писал, но писал для народа, желал именно ему сообщить свои мысли и чувства».

Исторический роман Мурацана о борьбе армянского народа за свою свободу и независимость вышел сейчас на русском языке.

Е. ЕЛАГИНА

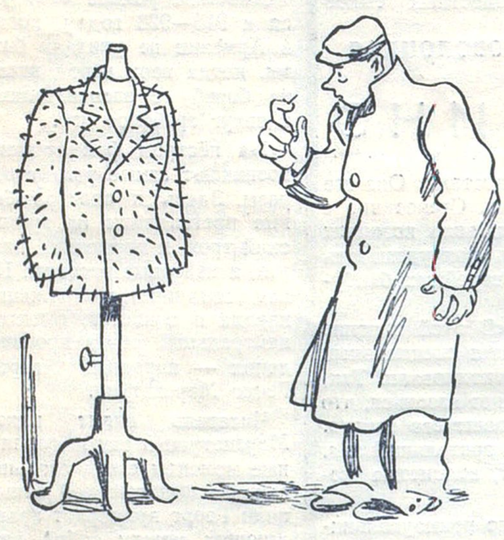

На фронте он командовал «катюшей».

После войны Катюша стала командовать им.

В магазинах готового платья продолжают торговать скверными, грубошёрстными костюмами.

И хочется и колется!

— Так вы говорите, что инструмент сделан из клёна,— а почему же звук у него липовый?

Рисунки Е. Евгана

ЖЕРТВА НАУКИ И ТЕХНИКИ

Евг. Бермонт

Рисунки А. Каневского

Недавно в Доме актёра мне указали на пожилого мужчину в тёмном костюме:

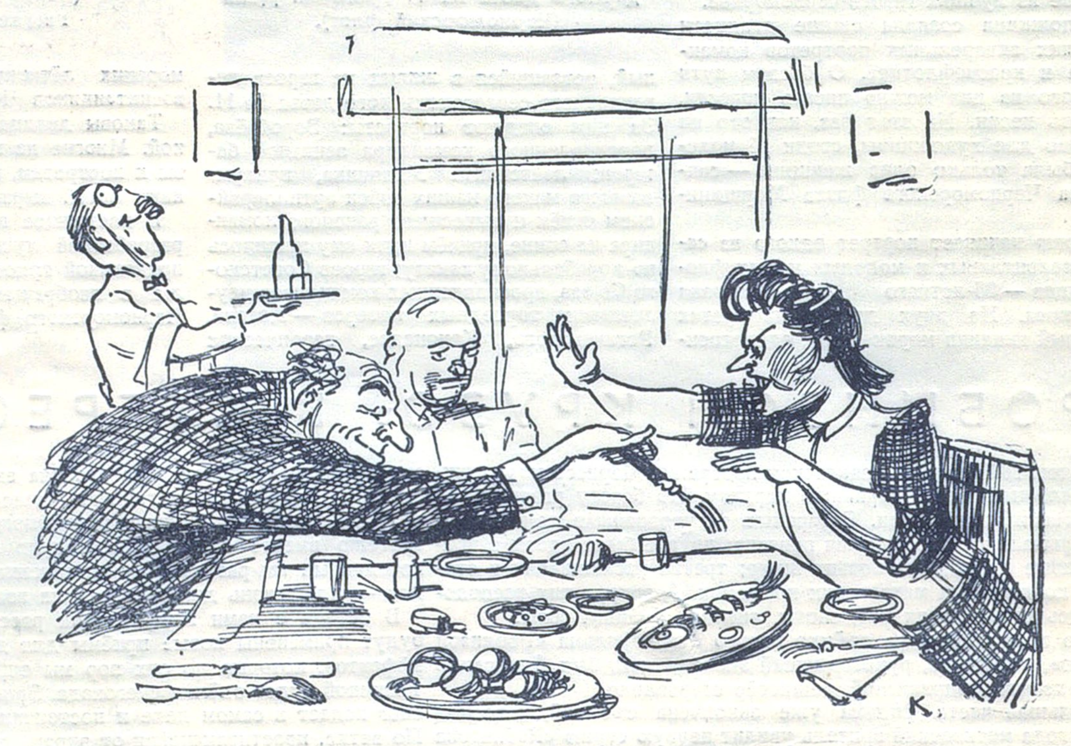
— Это известный артист Борис Петрович Огниво-Туманский. У нас его называют «жертва науки и техники».

— Почему?

— С ним произошёл любопытный случай. Он пострадал из-за высокого уровня современной технической мысли...

И товарищ рассказал занятную историю.

Жена Бориса Петровича Огниво-Туманского Анна Павловна принадлежала к числу тех любящих жён, любовь которых тягостней татарского ига.

— Что ты делаешь, Боря?! Она солёная!

Однажды они сидели небольшой компанией в ресторане. Когда подали закуску и Борис Петрович нацелился было вилкой на апетитную селёдку, нырявшую в соблазнительном соусе, неожиданно раздался крик его супруги:

— Что ты делаешь, Боря?! Она солёная!

— К сожалению, Анечка, сладких селёдок не бывает...

— Не шути, пожалуйста. Ты прекрасно знаешь, что тебе солёного нельзя... Позволь, позволь, что ты хочешь взять?

Вилка старого гурмана уже успела переменить маршрут и кинулась в сторону большого блюда с румяными пирожками. «Только вот этот маленький пирожочек с ливером, Анечка».

— С ливером! Маленький пирожочек! А ты не подумал, что для тебя съесть такой пирожок—всё равно, что проглотить мину замедленного действия...

— Хорошо,— покорно согласился Борис Петрович.— Тогда передай мне, голубушка, сардинки...

— Ни в коем случае! Это же консервы!

По её нервному тону можно было подумать, что все остальные участники ужина считают сардины фруктами или молочным продуктом.

— Ну, грибки?

— Грибки! Господи, ведь грибы — это плесень, древесный тлен, продукт гниения...

Опасными для жизни и таланта Огниво-Туманского оказались также пельмени, жареный судак, куропатка с брусничным вареньем и даже абсолютно невинная гурьевская каша с абрикосами.

— Повидимому, мне остаётся только жевать вот эту салфетку,— сказал Борис Петрович, грустно поглядывая на соседей, уплетавших пирожки с ливером замедленного действия.

— Боже упаси! — испугалась жена.— Ты с ума сошёл! Ведь здесь бельё стирают, наверно, в какой-нибудь ядовитой соде. Положи сейчас же салфетку!

Увы, заботы Анны Павловны не ограничивались только едой. Можно было подумать, что она задалась целью лишить мужа всех земных радостей. В стремлении сохранить Боречку для себя и для искусства нежная супруга уготовила ему самое постное, монашеское существование.

Но подавить жизнерадостные потенции заядлого эпикурейца, каким был Огниво-Туманский, не удалось даже Анне Павловне.

Страсти его только скрылись в подполье. Зато, когда представлялся случай, Борис Петрович вознаграждал себя с лихвой. Он обжирался за ужином, играл в карты, кейфовал в коктейль-холле и даже несмотря на свой солидный возраст волочился за женщинами, хотя это, по мнению Анны Павловны, было даже опаснее пирожков с ливером.

Но ведь для удовлетворения подпольных страстей необходимы деньги. А доходы нашего актёра давно уже были в руках жены.

Для изыскания нужных оборотных средств Огниво-Туманский устроил специальное совещание со старым приятелем и собутыльником Леопольдом Казимировичем, крупным концертным администратором.

— Надо устроить внеплановый концерт,— посоветовал администратор.— Вечером ты можешь выступить, чтобы Анна Павловна не узнала?

— Где там! Проще льву отлучиться из своей клетки в зоопарке, чем мне.

Леопольд Казимирович задумался:

— А днём?

— Днём, конечно, легче.

— Понимаешь, если бы тебе удалось вырваться на часок из дому, можно было бы устроить выгодное выступление. Конечно, в будни, чтобы не вызвать никаких подозрений у Анны Павловны.

Несколько минут оба молчали, видимо, соображая. Потом Борис Петрович радостно воскликнул:

— Ба! Есть!

— Что ты придумал?

— Блестящая идея! Я возьму Фрину и скажу, что пошёл её прогуливать. Ты будешь ждать за углом с такси...

— А собака?!

— Пока я буду на сцене, ты погуляешь с ней во дворе.

Леопольд Казимирович испуганно замахал руками:

— Что ты, Боря! Я кошек боюсь, не только такой дьявольски свирепой овчарки, как твоя. Она меня съест. Честное слово, съест!

— Ерунда. Фрина очень разборчива в пище. Потом, мы же её специально выдрессируем.

В течение десяти дней Огниво-Туманский регулярно приходил с собакой на бульвар. Туда же являлся администратор. Правда, Дуров из Леопольда Казимировича получился плохой. Несмотря на то что он кормил овчарку разными вкусными вещами, Фрина продолжала рычать и скалить зубы, не давая даже себя погладить.

— Знаешь, Боря,— обижался неудачливый дрессировщик,— если бы я перетаскал столько аппетитных подарков своей знакомой даме, я добился бы гораздо большего, чем у твоей собаки.

Наконец, настал тот радостный миг, когда Фрина позволила Леопольду Казимировичу взять цепочку и сопровождать себя в прогулке по бульвару. Ура, победа! Главное препятствие преодолено.

В день, когда был назначен внеплановый концерт, Борис Петрович страшно волновался. Это не укрылось от Анны Павловны.

— Что с тобой, Боря? — тревожно спросила она, пытливым, следовательским взглядом впиваясь в красное лицо мужа.

— Ничего, Анечка. Честное слово, ничего!

— У тебя лихорадочный вид. Тебе не холодно?

— Наоборот, мне даже жарко,— ляпнул Борис Петрович, кидаясь в другую опасную крайность.

— Жарко! — всполошилась жена.— У тебя, наверно, озноб. Давай-ка смерим температуру.

Начали мерить температуру. Из предосторожности Борис Петрович засунул термометр не подмышку, а в жилетный карман и, продержав его там ровно десять минут, торжественно вручил Анне Павловне.

— Тридцать пять и два,— удивилась та.— Какая странная температура! А всё потому, что ты меня никогда не слушаешь. Не надо было оставаться у Грохольских до двенадцати часов ночи, терять голову около Ниночки и кушать этот страшный крендель с маком...

Внеплановый концерт повис на волоске. Возражать при такой ситуации было опасно. Поэтому Огниво-Туманский поторопился признать правоту Анечки. Конечно, странная температура его жилетного кармана объясняется исключительно этим глупым сидением у Грохольских, нелепым ухаживанием за Ниночкой и дурацким кренделем с маком.

Леопольд Казимирович кормил овчарку разными вкусными вещами...

Покорность мужа тронула Анну Павловну — и дальше всё пошло как по маслу. Предложение Бориса Петровича пойти прогулять Фрину встретило полное одобрение:

— Пойди, пойди, Боря. Кстати и сам подышишь воздухом.

— Минут через сорок я буду дома, Анечка.

— А ты не торопись, Боря. Посиди лучше на бульваре. Ведь из мака, которым Грохольские начинили крендель, китайцы делают опиум. Надо хорошенько прочистить лёгкие.

За углом ждало такси. Зрители встретили Огниво-Туманского аплодисментами. За кулисами ему вручили толстый конверт с мило похрустывающим содержимым. В общем всё вышло великолепно, если не считать, что раздражённая автомобильным путешествием Фрина всё-таки тяпнула за ногу Леопольда Казимировича.

Радостный и оживлённый ввалился в переднюю Борис Петрович. У вешалки стояла жена.

— Где деньги? — ледяным тоном спросила она.

— Ка...ка...кие деньги? — залепетал Огниво-Туманский, чувствуя, что сердце его проваливается куда-то вниз, в кишечник, где ещё лежали остатки грохольского кренделя с маком.

— Деньги за концерт,— тем же арктическим тоном сказала Анна Павловна и сделала шаг по направлению к мужу.

Впоследствии Борис Петрович утверждал, что момент был настолько напряжённым, что даже Фрина побледнела.

— За ка...кой кон...концерт?

— За тот концерт, который сейчас транслировали по радио для периферии! — взвизгнула жена и ткнула рукой по направлению к столику, где стоял новенький приёмник, последнее слово современной радиотехники.

Что последовало за сим восклицанием, театральной общественности осталось неизвестным. Во всяком случае, Огниво-Туманский с тех пор считает себя жертвой науки и техники и всей душой ненавидит современную техническую мысль.

В это время публика двинулась в зал и набежавшая волна столкнула нас с Борисом Петровичем. И я услышал его разговор с моим спутником.

— Ну, как дела, дорогой? — осведомился тот.

— Плохи. Опять стал жертвой вашей проклятой техники.

— Опять?!

— Да. Последнее время Анечка немного оглохла. Во всяком случае, она уже не могла сама проверять по телефону, где я нахожусь, и контролировать мои разговоры.

— Ну?

— Так нашёлся идиот, который привёз ей новейшую усовершенствованную слуховую трубку. Теперь она слышит ещё лучше, чем раньше.

И несчастная жертва современной науки и техники только беспомощно махнула рукой.

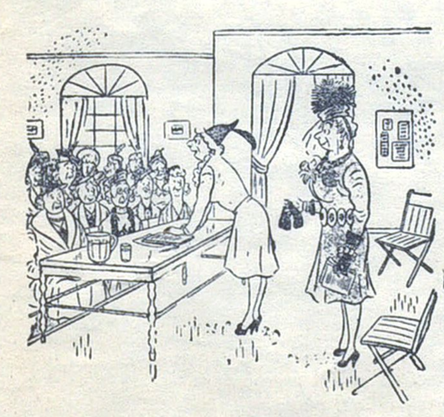
ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

Врач посетил сумасшедший дом. Всё показалось ему прекрасным.

— Только мало развлечений для больных,— заметил он.— Вы бы установили для больных радио.

— Что вы! — усомнился директор.— Ведь большинство из них и попало сюда из-за радио!

Жена упрекает мужа: — Позавчера ночью ты вернулся вчера. Вчера ты вернулся сегодня. Если сегодня ты вернёшься завтра, то я сейчас же уеду к маме!

— Сейчас миссис Паркер сделает небольшой доклад о простоте и экономии в одежде.

В Нюрнберге.— Видишь, вот эта камера специально переделана для Геринга.

ХОЗЯИН (обращаясь к гостю, загостившемуся у него на даче). Вы, наверное, соскучились по детям, по жене?..

ГОСТЬ. Конечно! Я думаю, вам не помешает, если я выпишу их сюда?..

НА ВОЕННЫХ ЗАНЯТИЯХ

ЛЕЙТЕНАНТ (обращаясь к курсантам). Чтобы правильно вести прицельный огонь, нужно предварительно установить ориентиры. Возьмём ориентир № 1 — лошадь, и вот там ориентир № 2 — человека... Теперь возьмём...

КУРСАНТ (перебивая). Извините, лейтенант, но вся топография поломалась: ориентир № 2 сел на ориентир № 1 и ускакал!

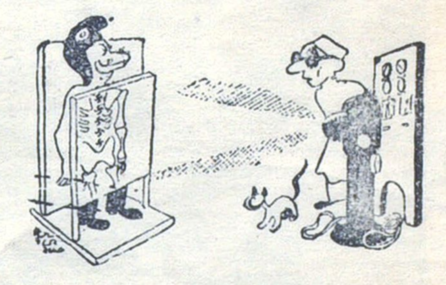
В СУДЕ

СУДЬЯ. Вы обвиняете его в краже у вас носового платка?

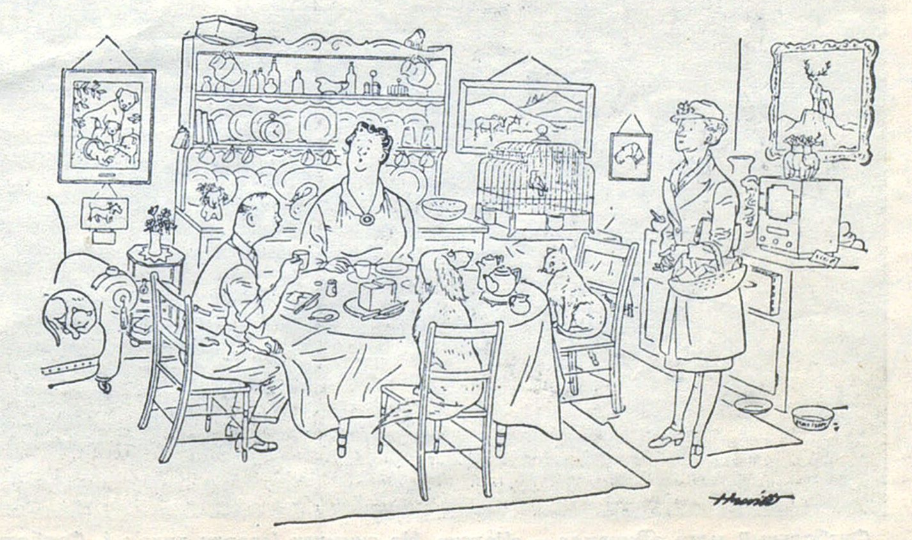
ИСТЕЦ. Да. В доказательство я принёс точно такой же платок, как и украденный.

СУДЬЯ. Это — ещё не доказательство. Вот и у меня точно такой же платок.

ИСТЕЦ. Это и не удивительно. У меня пропало их несколько.

Как выглядели бы некоторые французские «демократы» при просвечивании их х-лучами.

— Милый, ты видишь, пришла гостья. Встань и уступи ей место.

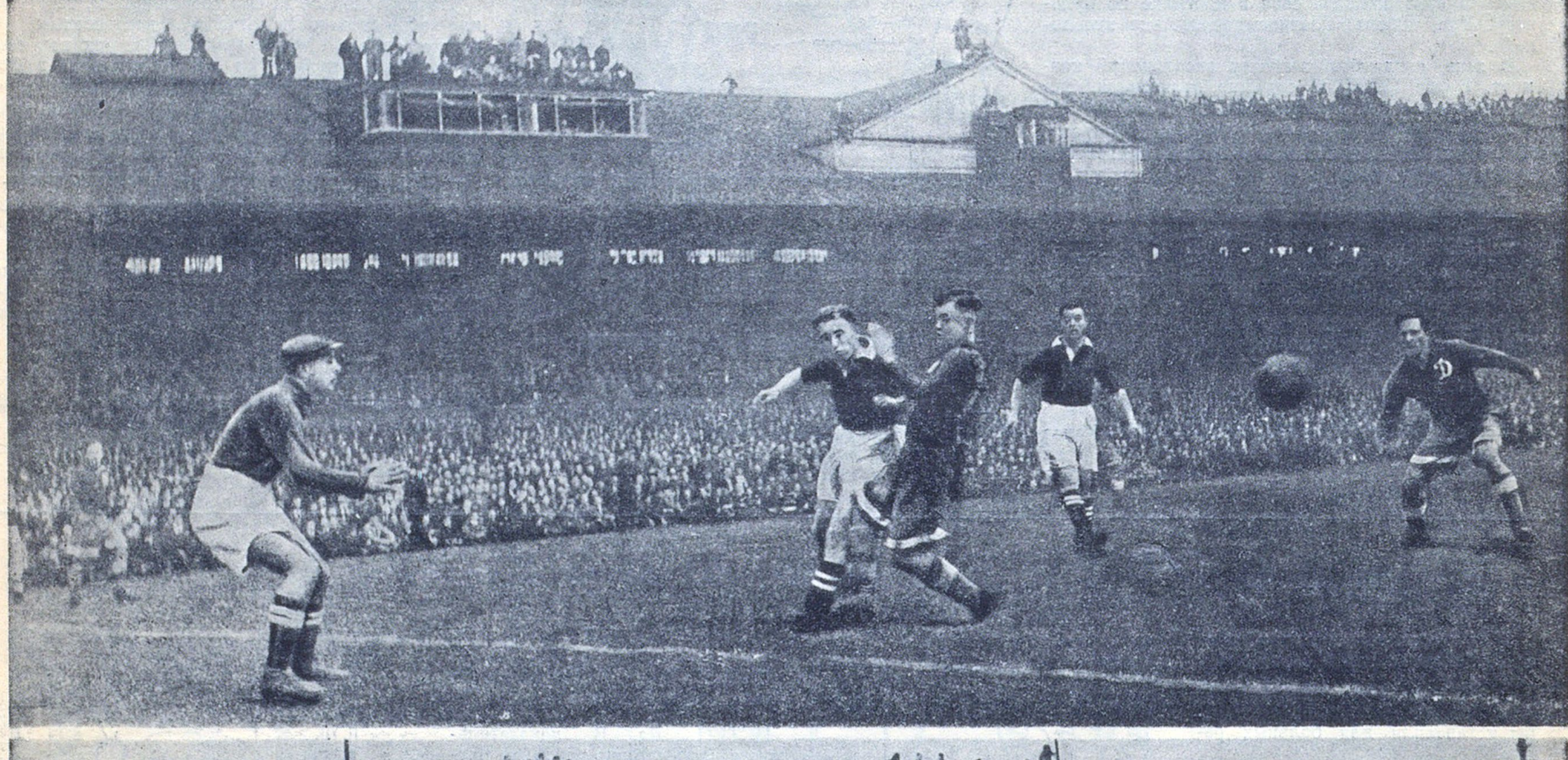

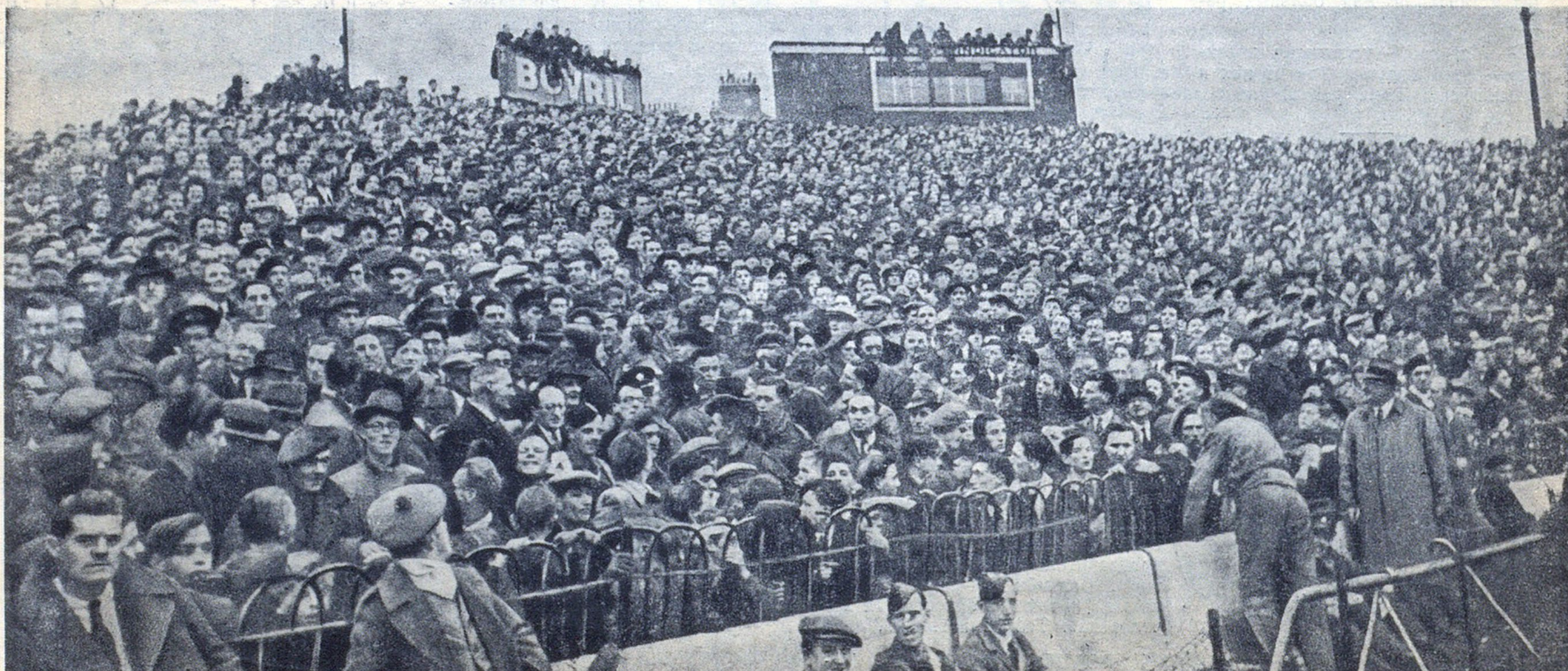
ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА

Фото И. Шагина

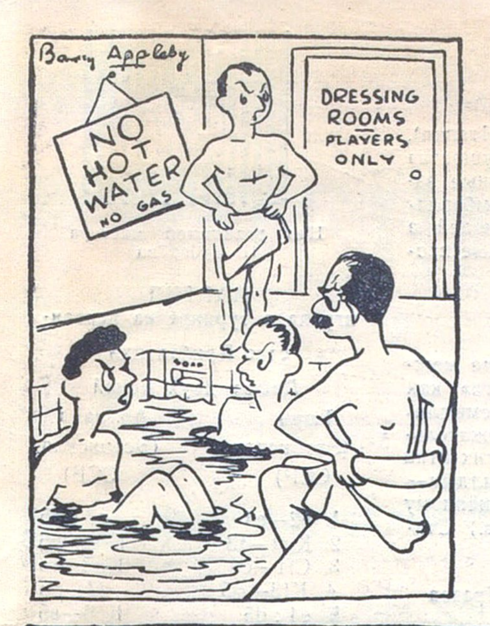
Футболисты московского общества «Динамо» вернулись на родину. Их торжественно встретили любители футбола и наперебой поздравляли с большим спортивным успехом. Успех действительно незаурядный. Выиграть два матча у английских команд и сделать две ничьи с сильнейшими клубами Англии и Шотландии—результат, которого не добилась ни одна европейская команда, гостившая на Британских островах.

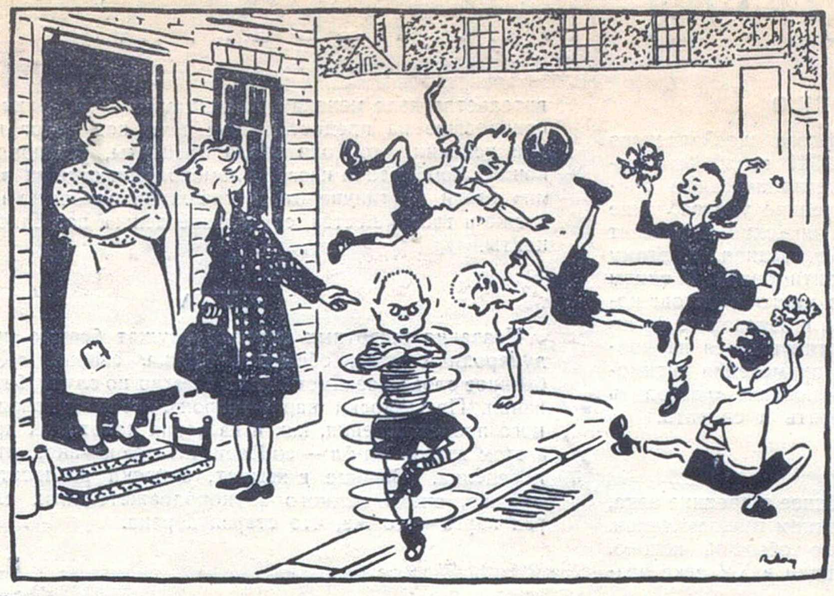

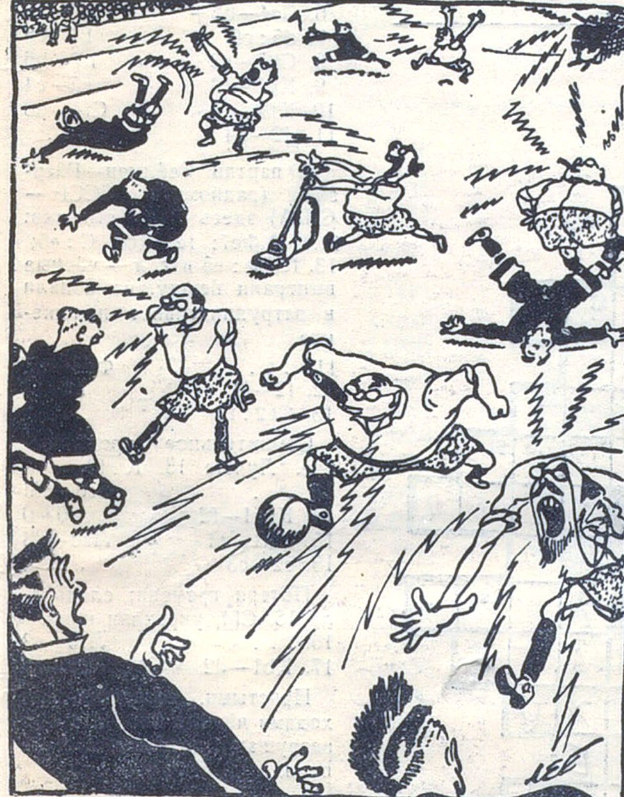

Футбольный матч «Динамо» — «Челси». На снимках (сверху вниз): 1. Футболисты «Динамо» и команды «Челси» встречаются перед началом игры. 2. Момент игры. 3. Зрители на трибунах Лондонского стадиона.

«Динамовские» дни в Лондоне

Карикатуры английских газет

ВВЕРХУ СЛЕВА:

Английские футболисты: — Сначала нас бросило в холод от динамовцев, а теперь достаётся и от своих. Все ушли, оставили нас без горячей воды, без газа...

«Дейли экспресс», Лондон.

ВВЕРХУ В ЦЕНТРЕ:

Волнения матерей: — Раньше они помешались на атомной бомбе, а сейчас на «Динамо».

«Сэндей кроникл», Лондон.

ВВЕРХУ СПРАВА:

Сегодня: «Динамо» — «Арсенал». — Как же мне слезать отсюда, когда я только что уплатил одному человеку пять шиллингов за это место?!

«Дейли экспресс», Лондон.

СЛЕВА:

Удар за ударом. «Челси»... «Кардиф-Сити»... После того как наши футболисты потерпели неудачи, нам следовало бы мобилизовать некоторых английских динамических деятелей, чтобы справиться с этими динамовцами.

«Ивнинг ньюс», Лондон.

ВНИЗУ СЛЕВА:

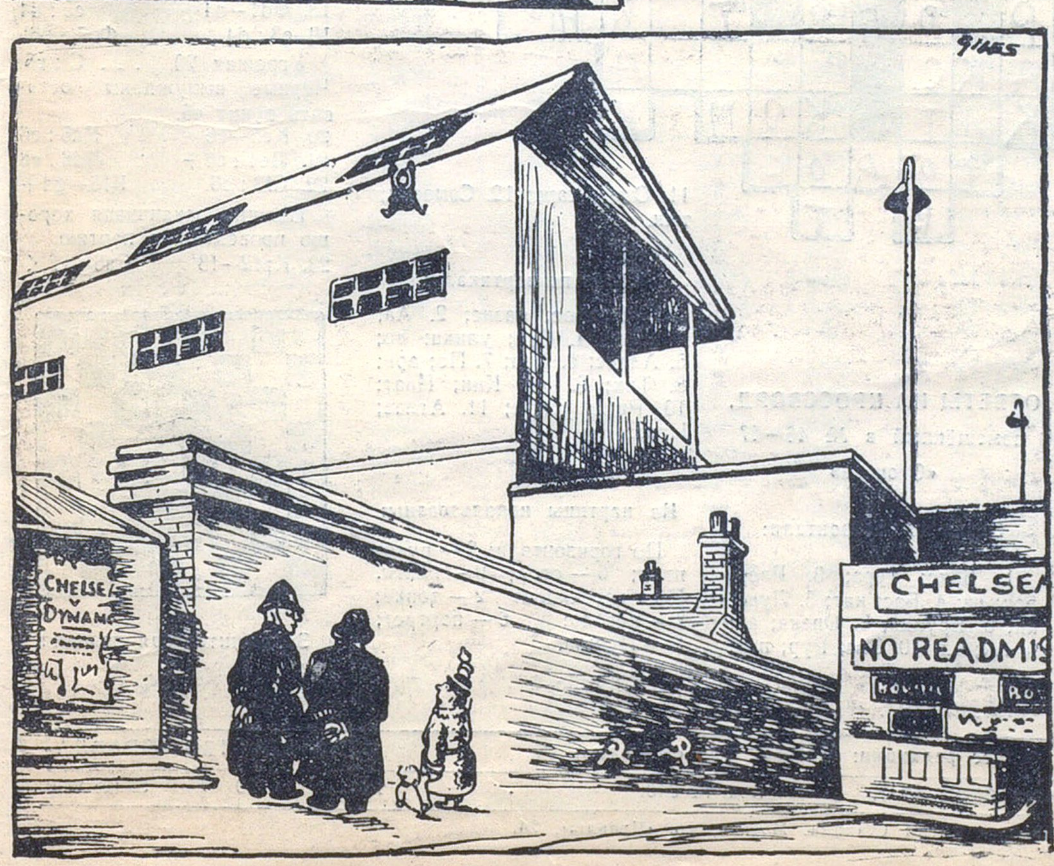
Лондонская домохозяйка — полисменам: — Это мой супруг. Он висит там с прошлого вторника, со времени матча «Челси» — «Динамо».

«Сэндей экспресс», Лондон.

ВНИЗУ СПРАВА:

В штабе английской оккупационной армии: — SOS из «Арсенала»! Сэр, шлите подкрепления, а также танки к ближайшей среде.

«Ивнинг ньюс», Лондон.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

РАЗВОДИТЬ АНТИМОНИЮ

В истории медицины после знаменитого швейцарского врача и алхимика Парацельса (1493—1541 годы) был период увлечения предложенными им металлическими препаратами для лечения больных. Неумеренное употребление неизученных средств даже заставило парижский парламент запретить их применение под угрозой наказания. К этому времени и относится рождение слова «антимоний». В одном монастыре при лечении сурьмой умерло много монахов; поэтому сурьму назвали «антимонием», что в переводе с французского значит «противомонах». От затянувшихся на много лет шумных споров о допустимости применения антимония как лечебного средства и пошло выражение «разводить антимонию» — бесплодно и долго говорить и спорить.

ЛОМБАРД

Ростовщичество, широко распространённое в средние века, было подлинным бичом, вконец разоряющим нуждающихся. Восемьдесят процентов за ссуду было обычной вещью. Для борьбы с ростовщичеством во Франции в XV веке правительство дало менялам, выходцам из Ломбардии (Италия), привилегию на предоставление ссуд под залог имущества при условии, чтоб они брали проценты, установленные законом. Ломбардцев назвали ломбардами; отсюда «ломбардами» стали в отличие от ростовщиков называть и людей, а позже и товарищества, ссужавшие деньги под законные проценты.

КАРГА

Названия животных нередко служат бранью вроде международных осёл, обезьяна, собака, свинья. «Карга» как бранное слово позаимствовано у татар по слуху, без осмысливания. По-татарски карга—ворона, слово звукоподражательного происхождения, как и названия некоторых других птиц в этом языке: бл-бл — соловей, люк-люк—аист, птпылдык—перепёлка. (Вообще в языках, вопреки распространённому мнению, очень немного звукоподражательных слов.) Старая карга — то же, что старая ворона.

И. Уразов

Под редакцией мастера Н. Зубарёва

ПАРТИЯ

играна в турнире на первенство Прибалтики

Дебют двух коней

Тюрн (Эстонская ССР)	Арулайд (Эстонская ССР)
1. e2—e4	e7—e5
2. Kg1—f3	Kb8—c6
3. Cf1—c4	Kg8—f6
4. Kf3—g5	d7—d5
5. e4 : d5	Kc6—a5
6. Cc4—b5+	c7—c6
7. d5 : c6	b7 : c6
8. Cb5—e2	h7—h6
9. Kg5—f3	e5—e4
10 Kf3—e5	Cf8—d6
11. d2—d4	. . .

В партии Сейдмен—Рагозин (радиоматч СССР — США) здесь было сыграно: 11. f4, Фe7; 12. Kc3, C : e5; 13. fe, Ф : e5 и т. д.— чёрные выиграли пешку, но попали в затруднительное положение.

11. . . .	Фd8—c7
12. f2—f4	e4 : f3
13. Ce2 : f3	. . .

Сомнительное продолжение. Лучше 13. K . f3.

13 . . .	Cc8—a6!
14 Kpe1—f2	0—0
15. Лh1—e1	Лa8—d8
16. c2—c3	. . .

Потеря времени; следовало 16. Cf4, укрепляя коня.

16. . . .	Лf8—e8
17. Kb1—d2	c6—c5

Простыми, естественными ходами чёрные окончательно разрушают позицию противника.

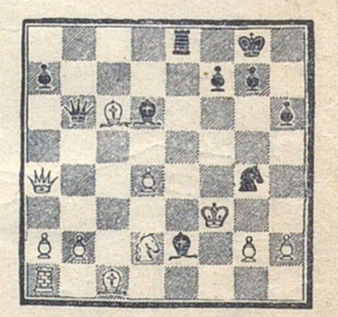
18. Фd1—a4	c5 : d4
19. c3 : d4	Фc7—b5!

Угрожая 20. . . . C : e5. Чёрные вынуждены оставить пункт e5.

20 Ke5—c6	Ka5 : c6
21 Лe1 : e8+	Лd8 : e8
22. Cf3 : c6	Kf6—g4+

Изящно заканчивая хорошо проведённую партию.

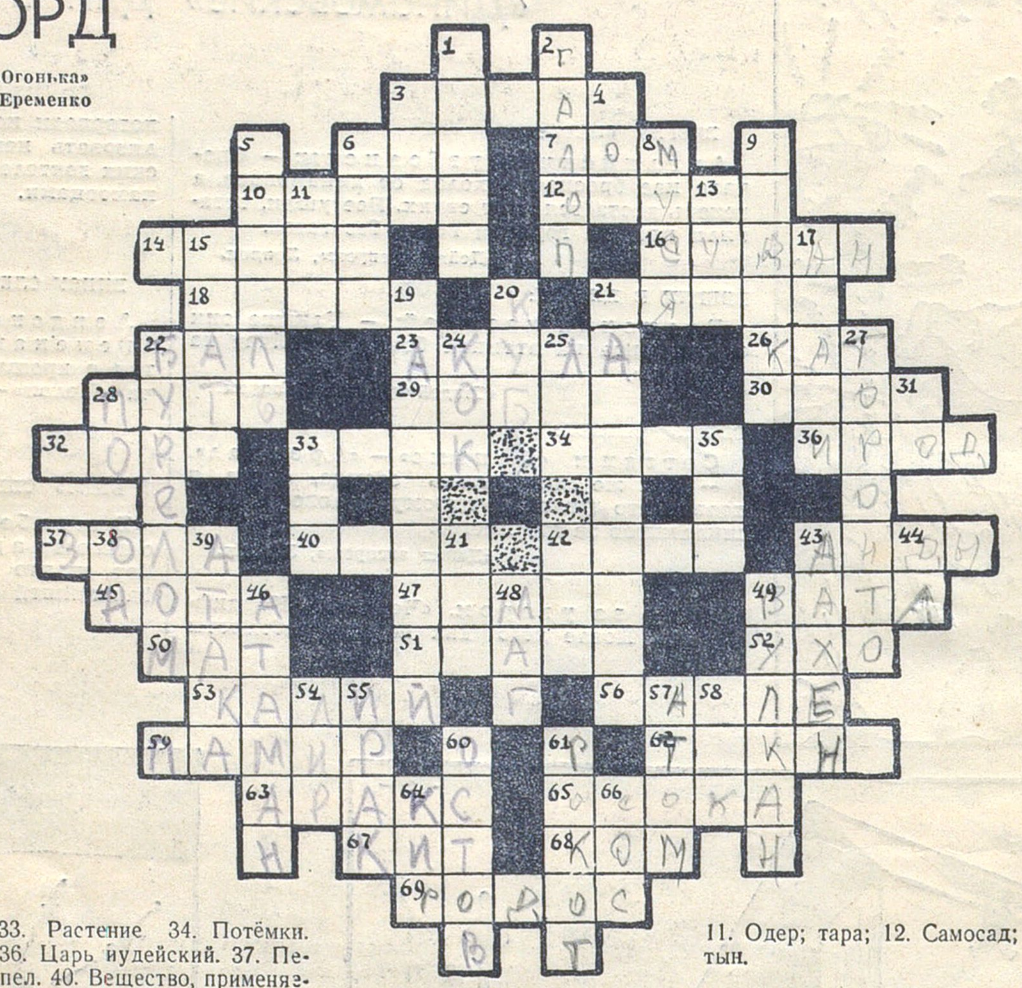
23. Kpf2—f3	Ca6—e2X

Заключительная позиция.

КРОССВОРД

Составили читатели «Огонька» В. И. Астахов и Г. Д. Еременко

По вертикали:

1. Кулинарное изделие. 2. Один из аллюров лошади. 3. Краситель. 4. Часть лица. 5. Французский композитор. 6. Несчастье. 8. Женское имя. 9. Вид цапли. 11 Лощина. 13. Основание, нижняя часть. 15. Благородный металл. 17. Озеро в Финляндии. 19. Пролив у берегов СССР. 20. Геометрическая фигура. 21. Республика в Латинской Америке. 22. Лес, сваленный бурей. 24. Корабельный повар. 25 Измерительный прибор. 27. Порт в Италии. 28. Река в Италии. 31 Союз. 33. Пасть. 35. Порода попугаев. 38. Местоимение. 39. Стремительное нападение. 41. Шифр, условные обозначения. 42. Известный бактериолог 43. Город в Германии. 44. Утверждение. 46 Предводитель ватаги, шайки. 48. Чародей, волшебник. 49. Огнедышащая гора. 54. Герой трагедии Шекспира. 55. Государство в Азии. 57. Мельчайшая частица вещества. 58. Часть судна. 60. Каркас. 61. Шум, звучание. 64. Древнеперсидский царь. 66. Позывной сигнал.

По горизонтали:

3. Горный хребет в Азии. 6. Ресторан. 7. Металлические отходы в производстве. 10. Персонаж произведения Пушкина. 12. Дерево. 14. Войсковое подразделение. 16. Область в Северной Африке. 18. Посол в древнем Риме. 21. Рыба. 22. Вечер с танцами. 23. Хищная рыба. 26. Палач. 28. Дорога. 29. Река в СССР. 30. Металл. 32. Французский художник. 33. Растение 34. Потёмки. 36. Царь иудейский. 37. Пепел. 40. Вещество, применяемое в производстве свечей. 42. Приток Волги. 43. Горы в Южной Америке. 45. Изображение звука на бумаге. 47. Предмет домашней обстановки. 49. Перевязочное средство. 50. Шахматный термин. 51. Штат в США. 52. Орган слуха. 53. Химическое вещество. 56. Французский писатель. 59. Горная страна. 62. Провинция в Чили. 63. Река в СССР. 65. Трава. 67. Морское животное. 68. Рыхлая, бесформенная масса. 69. Остров в Эгейском море.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, помещённый в № 46—47 «Огонька»

Слова по горизонтали:

1. Бокс; тура; 3. Раёк; рок; га; 4. Бас; кат; 5. Лувр; пи; 6. Ерунда; 8. Опека; аи; 9. Ак; ад; 10. Зал; Рур; пар; 11. Одер; тара; 12. Самосад; тын.

Слова по вертикали:

1. Барбюс; оазис; 2. Аа; 3. Лом; 4. Сук; улика; ло; 5. Адрес; 6. Ура; 7. По; ари; 8. Тик; 9. Ус; Кин; Ипат; 10. Рига; угары; 11. Атлас; Иран.

Из картины использованы:

По горизонтали: 2 — рукописи; 6 — стол; 9 — книги. По вертикали: 2 — топка; 3 — кресло; 6 — портрет; 8 — Пущин.

Ответственный редактор — А. СУРКОВ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 25214. 5½ печ. л. Подписано к печати 30/XI-45 г. Изд. № 849. Тираж 150.100 Заказ 2516.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВОЕННЫЙ ЗАЕМ 1942 года

ВЫИГРЫШНЫЙ ВЫПУСК

СПРАВОЧНАЯ ТАБЛИЦА ШЕСТОГО ТИРАЖА ВЫИГРЫШЕЙ

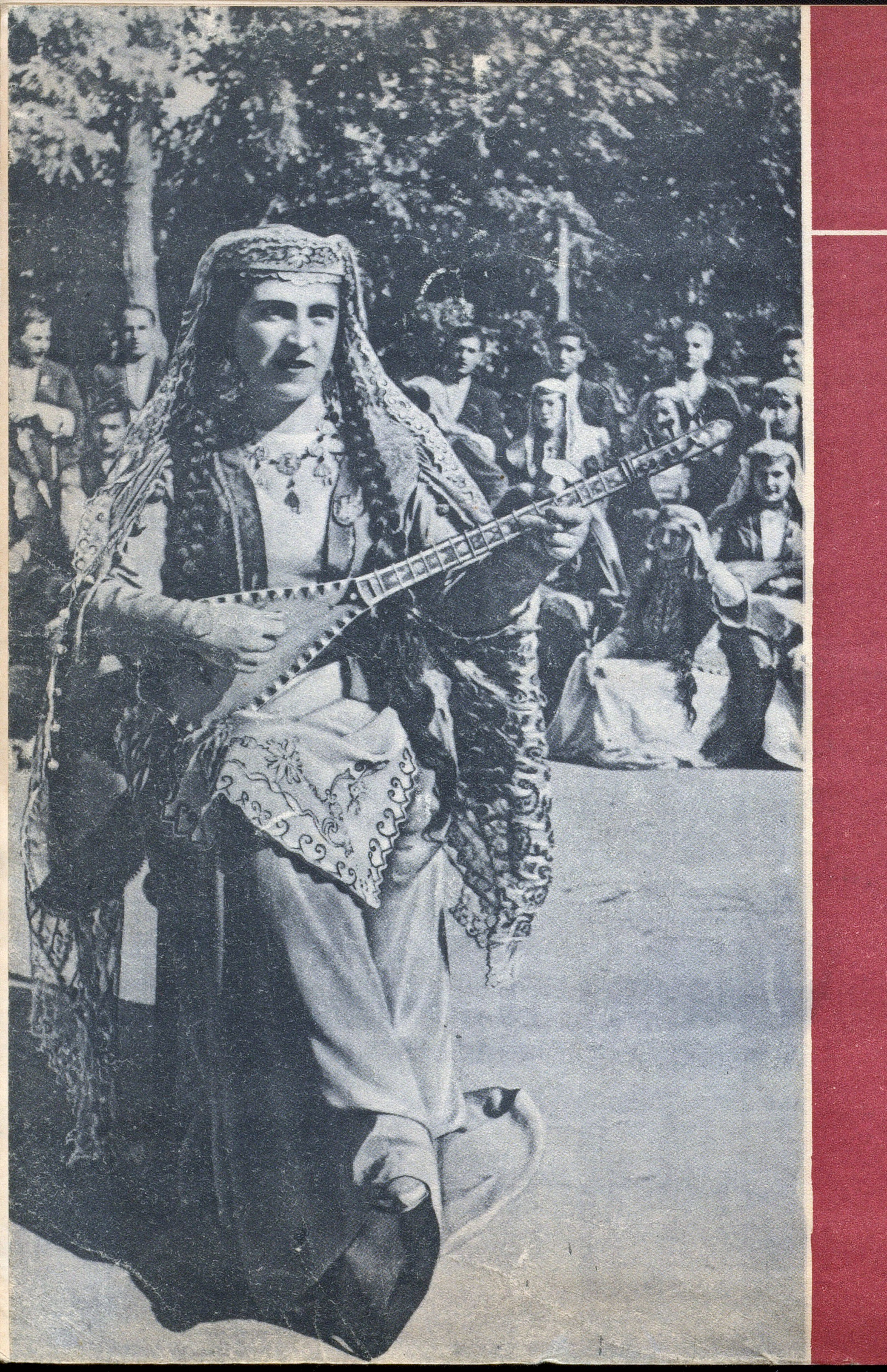
Тираж состоялся 8 и 9 сентября 1945 года в Первомайском районе гор. Москвы

В ШЕСТОМ ТИРАЖЕ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННОГО ЗАЙМА 1942 ГОДА ВЫИГРЫШИ ВЫПАЛИ НА СЛЕДУЮЩИЕ НОМЕРА СЕРИЙ И ОБЛИГАЦИЙ ВО ВСЕХ 118 РАЗРЯДАХ ВЫИГРЫШНОГО ВЫПУСКА ЗАЙМА

№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях
000180	31*)	1.000	004898	1—50	200	008921	1—50	500	013845	35*)	1.000
000198	50*)	1.000	005366	1—50	500	008986	27*)	1.000	014173	04*)	1.000
000310	11*)	1.000	005380	17*)	1.000	009187	1—50	500	014238	36*)	1.000
000446	1—50	200	005429	20*)	1.000	009212	20*)	1.000	014381	19*)	1.000
000484	42*)	1.000	005640	1—50	200	009248	14*)	1.000	014600	46*)	10.000
000563	07*)	1.000	005681	47*)	1.000	009383	43*)	1.000	014753	42*)	1.000
000603	10*)	1.000	005717	05*)	1.000	009421	09*)	5.000	014762	28*)	1.000
000773	01*)	1.000	005725	11*)	1.000	009485	47*)	1.000	014888	01*)	1.000
000811	04*)	1.000	006006	34*)	1.000	009575	46*)	1.000	015068	39*)	1.000
000907	1—50	500	006239	11*)	1.000	009605	39*)	1.000	015252	16*)	1.000
001090	43*)	1.000	006382	13*)	1.000	009611	20*)	1.000	015697	10*)	1.000
001141	1—50	500	006457	12*)	1.000	009673	48*)	1.000	015883	45*)	1.000
001246	23*)	1.000	006563	03*)	1.000	009900	13*)	1.000	015889	1—50	200
001284	46*)	5.000	006587	10*)	1.000	010145	32*)	10.000	015898	1—50	200
001459	12*)	1.000	006593	1—50	200	010330	44*)	1.000	016106	15*)	1.000
001572	1—50	200	006627	1—50	500	010396	1—50	500	016269	38*)	1.000
001645	42*)	1.000	006760	42*)	1.000	010571	1—50	200	016363	19*)	1.000
001771	1—50	200	006893	21*)	1.000	010575	14*)	1.000	016464	01*)	1.000
001825	46*)	1.000	006919	1—50	200	010641	1—50	200	016488	25*)	1.000
002037	12*)	1.000	007099	01*)	1.000	010726	46*)	1.000	016537	22*)	1.000
002045	44*)	1.000	007122	05*)	5.000	010800	01*)	1.000	016550	37*)	1.000
002124	1—50	200	007400	1—50	200	010881	1—50	200	016799	1—50	500
002194	26*)	1.000	007423	1—50	200	010950	1—50	200	016820	1—50	200
002342	50*)	1.000	007522	33*)	1.000	010973	14*)	5.000	017407	33*)	1.000
002407	38*)	1.000	007956	03*)	1.000	010990	1—50	500	017482	40*)	1.000
002487	38*)	5.000	007992	32*)	1.000	011022	50*)	1.000	017593	1—50	500
002490	34*)	5.000	008020	1—50	200	011288	1—50	200	017844	50*)	1.000
002521	1—50	500	008047	34*)	1.000	011433	1—50	200	018100	1—50	500
002598	42*)	1.000	008072	05*)	1.000	011470	1—50	200	018431	1—50	200
002645	1—50	500	008095	35*)	1.000	011820	11*)	1.000	018650	31*)	25.000
002759	1—50	200	008152	1—50	500	011906	42*)	1.000	018852	03*)	1.000
003084	1—50	500	008175	1—50	200	012043	07*)	5.000	019084	44*)	1.000
003218	38*)	1.000	008232	44*)	1.000	012260	1—50	200	019193	21*)	1.000
003231	15*)	5.000	008237	12*)	1.000	012271	43*)	5.000	019266	1—50	200
003429	32*)	1.000	008362	45*)	1.000	012445	30*)	1.000	019427	33*)	1.000
003835	50*)	1.000	008412	1—50	200	012676	1—50	500	019634	14*)	1.000
003981	1—50	200	008441	26—50	200	012863	18*)	1.000	019685	1—50	200
004194	29*)	1.000	008477	41*)	25.000	012889	18*)	10.000	019745	16*)	5.000
004298	1—50	500	008509	07*)	1.000	012900	1—50	500	019785	1—50	200
004419	11*)	1.000	008612	1—50	500	013169	41*)	1.000	019789	05*)	10.000
004542	17*)	1.000	008731	49*)	1.000	013240	1—50	500	019985	49*)	1.000
004619	1—50	200	008773	09*)	50.000	013445	1—50	200			
004778	44*)	1.000	008887	29*)	1.000	013465	1—50	200			
004882	34*)	10.000	008889	1—50	200	013741	34*)	1.000			

*) На остальные 49 номеров облигаций этой серии выпали выигрыши по 200 рублей.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС И ГОСКРЕДИТА.

Солистка ансамб
нии Армянской С
сец Аракси Гу
полняет народ

Фото